

С Л О В О,

произнесенное въ Антоніевской церкви Императорскаго Харьковскаго Университета 17-го Января 1893 года.

Слово истины благовѣствованія есть плодоносно и растимо въ васъ отъ него же дне слышите и разумѣте благодать Божію во истинѣ (Кол. 1, 5—6).

Слово апостольскаго благовѣствованія, какъ слово живаго Бога, всегда живо и дѣйственно, всегда обладаетъ присущею ему самобытною силою возрастать и приносить плоды; въ этомъ состоитъ отъ вѣчности пребывающая въ словѣ истины Божіей и въ самой истинѣ благодать Божія. Въ одной изъ евангельскихъ притчей Господь Іисусъ Христосъ уподобляетъ благодатную силу Божію, независимую отъ людей и самосущую, тому сѣмени, которое человѣкъ бросаетъ въ землю, *и спитъ и встаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосья, потомъ полное зерно въ колосья* (Мар. 4, 26—28), пока наконецъ созрѣетъ плодъ и дастъ сѣмена для новыхъ насажденій и произрастаній. *Богъ есть дѣйствующій* (Фил. 2, 13) *и возвращающій* (1 Кор. 3, 7). Не безучастнымъ остается и земледѣлецъ, заботливо, и днемъ и ночью наблюдающій за возрастаніемъ посѣяннаго. Сѣмя есть слово Божіе; падающа на землю добрую, оно само возрастаетъ, приноситъ плодъ и разрастается; наше участіе въ его возрастаніи состоитъ, по Апостолу, въ томъ, чтобы мы не только познавали истину, имъ возвѣщаемую, но и разумѣли благодатную силу Божію въ истинѣ.

Истина Божія одна, возвѣщается ли она въ словѣ благовѣствованія, содержащаго въ себѣ *малоль вѣчной жизни* (Іоан. 6, 68), или изрекается Творческимъ словомъ, *нарицающимъ не сущая, яко сущая* (Рим. 4, 17), *во еже отъ невидимыхъ видимымъ быти* (Евр. 11, 3). Потому и благодатная сила, отъ вѣчности присущая истинѣ Божіей, пребываетъ на ней и тогда, когда она познается человѣческимъ разу-

момъ. Независимая отъ человѣка и самосушая, она предваряетъ наши познанія и обусловливаетъ самую возможность познаванія. Въ нашей познавательной дѣятельности, въ сущности, есть сходство съ дѣятельностію упоминаемаго въ евангельской притчѣ земледѣльца, бросившаго сѣмя въ землю; подобно ему, и ученый, изслѣдующій тайны бытія и жизни, собственно, только внимательно наблюдаетъ и заботливо испытываетъ и такимъ образомъ познаетъ существующее, но не онъ своими изысканіями и открытіями вноситъ свѣтъ разумѣнія въ будто бы темную и неразумную до него область бытія. Онъ познаетъ разумность, уже существующую въ мірѣ прежде него и независимо отъ него, вложенную въ міръ премудрымъ Творцемъ его и Устроителемъ, иначе мы не могли бы и познавать ничего въ мірѣ, потому, что мы можемъ познавать только осмысленное и разумное. Познавать собственно значить уразумѣвать помышленія, явленныя Богомъ въ твореніяхъ Его, и постигать въ нихъ Его премудрость; въ этомъ высочайшая задача нашей познавательной дѣятельности и совершенство нашихъ познаній. *Какъ велики дѣла Твои Господи*, восклицаетъ св. Давидъ, восхищенный разумѣваемою имъ глубиною явленной въ нихъ премудрости, — *дивно глубоки помышленія Твои* (Пс. 91, 6)! Сколько напряженныхъ усилій употреблено человѣкомъ въ продолженіе вѣковъ и поколѣній, чтобы познать премудрость во всемъ, яже на земли и на небеси, — сколько изыскано средствъ и способовъ для уразумѣнія глубины помышленій Божіихъ, открытыхъ во всемъ мірѣ, но еще сокрытыхъ для нашего разума! Задача познавательной дѣятельности еще не разрѣшена и познанія наши далеки отъ совершенства.

Но познанія наши постепенно возрастаютъ и увеличиваются; расширяется область разсматриваемыхъ твореній; умножаются изслѣдованія, углубляется размышленіе. Сравнивая настоящее время съ предшествующими вѣками, по состоянію въ нихъ научныхъ знаній, нельзя не замѣчать силы ихъ роста и увеличивающагося достоинства. Одною ли только силою человѣческаго разума сдѣлано все сіе? Благодать Божія, предваряющая наше разумѣніе, самую возможность познаванія, не остается тщетною (1 Кор. 15, 10) и бездѣйственною. Многообразны пути и разнообразны средства, которыми она ведетъ человѣка къ уразумѣнію истины, къ большому и большому познанію ея, то утверждая его на добромъ пути къ ней, то отвращая отъ путей ложныхъ. Есть нравственный порядокъ міра, способствующій торжеству правды и добра надъ зломъ и свидѣтельствующій о высшей правдѣ Божіей, направляющей человѣка къ добру; и есть однородный съ нимъ порядокъ умственного міра, усматриваемый въ торжествѣ истины надъ ложью и заблуж-

деніемъ и свидѣтельствующій о верховной Истинѣ Божіей, отъ которой происходитъ свѣтъ, просвѣщающій *всякаго чловѣка, приходящаго въ міръ* (Іоан. 1, 9). Не все, вырастающее на широкомъ полѣ чловѣческаго знанія, дѣлается негнбнущимъ достояніемъ науки, а только то, что насаждено Отцемъ небеснымъ, Отцемъ свѣтовъ и Богомъ разумовъ въ твореніяхъ Его. Всякое же иное растеніе *искоренится* (Мат. 15, 13). Это законъ, осуществляемый всѣмъ ходомъ возрастанія чловѣческихъ знаній. Изъ безчисленнаго множества научныхъ изслѣдованій и повторяемыхъ наблюденій дѣлаются выводы и заключенія, которыя тщательно испытываются въ ихъ точности и достовѣрности, т. е. въ ихъ соотвѣтствіи характеру и природѣ разсматриваемыхъ твореній Божіихъ, слагаются знанія и передаются слѣдующимъ поколѣніямъ, которыя снова провѣряютъ ихъ, усовершенуютъ и умножаютъ; образуется сокровищница знаній. Въ продолженіе вѣковъ и поколѣній воздвигается обширное и величественное зданіе научныхъ свѣдѣній. Но *еще не Господь созиждетъ домъ, все трудящася зиждущіи* (Пс. 126, 1), разумѣется домъ обыкновенный, чловѣческое жилище; тѣмъ справедливѣе слова псаломѣвца, когда говорится о такомъ зданіи, для сооруженія котораго постоянно являются новые и новые дѣятели, перебираютъ всѣ его части и подробности, какъ бы вновь съ самаго основанія перестраиваютъ его; но зданіе не разрушается, иначе все трудились бы зиждущіи въ каждомъ поколѣніи, не исключая и настоящаго. Строгая наука, заслуживающая это имя, отвергаетъ только тѣ чловѣческія измышленія, которыя, не опираясь на тщательномъ разсмотрѣніи наблюдаемаго, не проникая въ глубину его смысла, въ глубину помысловъ Божіихъ, выдаются за безусловно-истинныя, за послѣднее слово науки; но наука всегда противопоставляетъ мнимому всезнанію свои достовѣрныя знанія и, пди своимъ неспѣшнымъ, но вѣрнымъ путемъ, умножаетъ ихъ и увеличиваетъ. И какъ не рѣдки въ познавательной дѣятельности чловѣка случаи внезапнаго озаренія мысли, неожиданнаго просвѣтленія ея, въ которомъ заключается тайна многихъ научныхъ успѣховъ и открытій и совершается дѣйствіе благодатной силы Божіей, ведущей и направляющей его къ познанію истины!

Возрастаніе чловѣческихъ знаній состоитъ не въ одномъ количественномъ ихъ умноженіи, въ увеличеніи ихъ внѣшняго роста, но и въ возвышеніи ихъ достоинства по содержанію. Путь этого возвышенія также предначертанъ въ порядкѣ восхожденія тварей отъ менѣ совершенныхъ къ болѣе совершеннымъ, отъ безжизненныхъ и неодушевленныхъ къ одушевленнымъ и чувствующимъ и наконецъ къ разумному существу, чловѣку, и замѣчается въ ходѣ и порядкѣ умственного

развитія отъ низшихъ степеней къ высшимъ, отъ частныхъ познаній разнообразныхъ твореній, вслѣдствіе явленной въ нихъ разумности, къ возвышающемуся надъ ними міропониманію, отъ разумнія тѣхъ, или другихъ помышленій Божіихъ къ познанію премудраго Творца и Устроителя всего, Бога. *Ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра, чрезъ разсматриваніе твореній видимы* (Рим. 1, 20). Чѣмъ далѣе человѣкъ подвигается на этомъ добромъ пути въ своихъ изслѣдованіяхъ, тѣмъ ближе подходитъ къ верховной истинѣ, которая болѣе и болѣе дѣлается видимою, если не всегда для самого изслѣдователя, то для многихъ другихъ; тѣмъ не менѣе познанія увеличиваются въ своемъ достоинствѣ и истина возрастаетъ въ нашихъ познаніяхъ. Въ этомъ возрастаніи благодатная сила Божія, споспѣшествующая истинѣ, дивно сочетается съ свободными дѣйствіями человѣка, каково и всякое благодатное дѣйствіе Божіе по отношенію къ человѣку. Дѣлая свое дѣло, идя своимъ путемъ и часто не задаваясь никакими другими цѣлями, кромѣ познанія непосредственно подлежащаго, наука изыскиваетъ причины явленій и удостовѣряется, что причинная связь простирается на все, являемое въ мірѣ,—открываетъ единство силъ и законовъ, дѣйствующихъ въ видимомъ мірѣ, въ самыхъ областяхъ мірозданія,—и тѣмъ самымъ даетъ намъ болѣе и болѣе постигать неизслѣдимую глубину богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія (Рим. 11, 33) и проясняетъ нашу мысль о непостижимомъ величіи силы Божіей, управляющей всѣмъ міромъ. Упомянемъ и о тѣхъ разнообразныхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ, которые еще ближе подходятъ къ верховной истинѣ Божіей, служа съ своей стороны, со стороны научной, къ подтвержденію непререкаемой достовѣрности и къ уразумѣнію смысла письменнаго слова истины Христовой, возвѣщенной апостолами и предреченной пророками.

Только въ этой истинѣ сообщается намъ разумніе благодати Божіей, въ ней заключающейся и чрезъ нее дѣйствующей. Разумніе ея должно быть дорого для людей науки, какъ разумніе той силы, которая дѣйствуетъ къ возрастанію и умноженію знаній, даже предваряетъ возможность нашего познаванія. Но *никто не можетъ прійти ко Мнѣ*, говоритъ Господь Іисусъ, *если не привлечетъ его Отецъ, пославшій Меня* (Іоан. 6, 44), и Отецъ небесный влечетъ и призываетъ къ Нему и къ Его истинѣ всѣхъ всѣми дѣйствіями своего всеблагаго промысленія, всѣми средствами своей предваряющей и призывающей благодати. *И никто не можетъ назвать Іисуса Господомъ, вѣровавъ въ Него,—какъ только Духомъ Святымъ* (1 Кор. 12, 3), который есть Духъ истины (Іоан. 15, 26) и благодати (Евр. 10, 29),

подающій намъ благодать преизобильную, и благодать познанія истины во Христѣ (Еф. 4, 21) и благодать разумѣнія ея силы въ этой истинѣ (Еф. 3, 19). Черезъ это разумѣніе слово истины возрастаетъ, приносятъ плодъ и разрастается, бываетъ плодотворно и растимо.

Духъ благодати, идеже хощетъ, дышетъ, и гласъ Его слышенъ (Іоан. 3, 8). Животворящее вѣяніе Его ощутимо и въ области нашихъ знаній въ той мѣрѣ, въ какой воспринимается въ этой области истина Христова и разумѣвается благодать Божія, въ ней дѣйствующая. Наши познанія возрастаютъ; справедливо удивляются силѣ ихъ роста. Отчего же у однихъ народовъ сила эта возрастаетъ, а у другихъ увядаетъ, оскудѣваетъ и оказывается безплодною? Нельзя объяснить этого различія ни естественною даровитостію однихъ народовъ въ сравненіи съ другими: у самого даровитаго изъ народовъ древняго міра производительная сила знаній съ теченіемъ времени истощилась,—ни предварительною подготовкою для дальнѣйшаго развитія знаній: нѣкоторые народы еще въ глубокой древности отличились значительнымъ по тому времени состояніемъ образованности, но издавна окаменѣли въ томъ состояніи,—ни, наконецъ, богатымъ наслѣдствомъ знаній, полученнымъ отъ другихъ народовъ: нерѣдко эти знанія не прививаются, не усваиваются и исчезаютъ почти безъ слѣда. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить непрерывнаго возрастанія знаній, кромѣ благодати Божіей, даруемой во Христѣ Іисусѣ, ради которой въ Немъ обогащаются всѣмъ, *всякимъ словомъ и всякимъ познаніемъ* (1 Кор. 1, 4—5). Народы, чуждые всякаго образованія, сидѣвшіе во тьмѣ язычества,—каковыми были нѣкогда и наши предки,—съ принятіемъ христіанства, вмѣстѣ съ свѣтомъ вѣры, получаютъ начатки разнородныхъ знаній, дотолѣ имъ совершенно неизвѣстныхъ; начатки христіанской образованности распространяются у нихъ по всему лицу нашей земли. Когда пріспѣваетъ время, болѣе близкіе къ намъ предки наши начинаютъ пользоваться всѣми стяжаніями научныхъ знаній другихъ народовъ, усваиваютъ ихъ и дѣлаютъ своимъ достояніемъ, по силѣ того свидѣтельства истины Христовой, которое болѣе и болѣе утверждалось въ нашемъ отечествѣ (1 Кор. 1, 6) въ продолженіе вѣковъ.

Не доброе ли сѣмя посѣяно? *Но когда возшла зелень, и показался плодъ, явились и плевелы* (Мат. 13, 26—27). Плевелы являлись у насъ и въ давнія времена, но тогда они были пороженіемъ тьмы, оставшейся отъ язычества, доходившей до насъ изъ другихъ странъ и еще не препобѣжденной свѣтомъ Христовымъ. Успѣшная борьба противъ нихъ и торжество надъ ними свидѣлствуютъ о внутренней, духовной силѣ православныхъ русскихъ людей, которые при недоста-

точныхъ тогда своихъ знанійхъ, умѣли испытывать и познавать духовъ, *отъ Бога ли они* (1 Иоан. 4, 1). Это всегда одинъ изъ лучшихъ плодовъ христіанскаго знанія и разумѣнія въ немъ благодати Божіей. Добрыя сѣмена этого благодатнаго плода разрастались въ новыя насажденія, достигли и до насъ, сдѣлавшись достояніемъ духовной природы русскаго православнаго человѣка. Въ новыя времена плевелы заносились къ намъ вмѣстѣ съ сокровищами научныхъ знаній, самозванно прикрываясь именемъ науки, и нерѣдко широко распространялись, по непонятному дѣйствию обольщенія (2 Сол. 2, 11). Но, не имѣя опоры въ научныхъ знаніяхъ, въ особенности же не имѣя *корене* въ доброй почвѣ русскаго православно-христіанскаго самосознанія, всегда охраняемаго твердынею вселенской истины Христовой, эти заносныя растения не прививались къ намъ, были привременны и преходящи, оставляя однакожь, подобно пронесшейся бурѣ, слѣды опустошенія, произведеннаго въ душахъ. Твердыни вселенской православно-христіанской истины всегда была знаменіемъ благодатной силы Божіей для многихъ и многихъ истинно-русскихъ людей, умѣвшихъ сочетавать чистоту и искренность вѣры съ высокимъ научнымъ образованіемъ. Совершая свое дѣло, отвергая обольщеніе мнимаго знанія, они *приносятъ плодъ въ терніи* труда (Лук. 8, 15); и имъ-то должны быть приписаны успѣхи научныхъ знаній въ нашемъ отечествѣ, не имъ впрочемъ, а благодати Божіей, которая въ нихъ (1 Кор. 15, 10) дѣйствовала чрезъ вѣру, какъ сказалъ св. апостоль Павелъ о своихъ трудахъ.

Но лучшіе успѣхи всегда впереди. Чѣмъ болѣе свѣтъ Христовой истины будетъ проникать въ глубину нашего сердца и возвышаться въ разумѣніи ея благодатной силы, тѣмъ далѣе и шире будутъ разрастаться добрыя сѣмена, заключающіяся въ зрѣлыхъ плодахъ научныхъ знаній. Благодатное дѣйствіе истины Христовой въ душѣ человѣка уподобляется *свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ* (2 Пет. 1, 19); чѣмъ болѣе и чаще обращаются къ нему, тѣмъ скорѣе начинается разсвѣтать день. Къ этому свѣтильнику, давно у насъ вожденному, всегда обращались и обращаются простые души, люди, чуждые всякаго образованія; но сами по себѣ знанія, безъ свѣта Христова, не въ состояніи закрыть пропасть, отдѣляющую ихъ отъ людей образованныхъ. Къ этому же свѣтильнику начинаютъ обращаться дотолѣ равнодушные къ его свѣту; обращаются и тѣ, которые еще не отрѣшились отъ обольщеній самоувѣренія, чуждаго разумѣвающимъ вселенскую истину православно-христіанства. Замѣчается возбужденіе религіозной мысли; не начинаетъ ли разсвѣтать день для всѣхъ?

Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа да дасть всѣмъ, *по богатству славы своей, крѣпко утвердиться Духомъ благодати Ею во внутреннемъ чловѣкѣ*, въ той внутренней, духовной силѣ, которая всегда была достояніемъ православныхъ русскихъ людей, да возможемъ всѣ уразумѣть, въ чемъ состоитъ глубина и высота, широта и долгота (Еф. 3, 16, 18) чловѣческаго знанія, просвѣщаемаго свѣтомъ Христовымъ. Аминь.

Заслуженный профессоръ Богословія,
Протоіерей В. Добротворскій.

Въ Историко-Филологическій Факультетъ Императорскаго Харьковскаго Университета

отзывъ и. д. экстраординарнаго профессора В. Бузескула о сочиненіи,
представленномъ для соисканія медали, на тему по всеобщей исторіи.

Для соисканія медалей на 1892 г. по всеобщей исторіи дана была тема: „Отношенія Франціи къ Россіи при Людовикѣ XV“. Отъ автора требовалось: 1) представить исторію французской политики по отношенію къ Россіи въ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ періодовъ, когда и въ области политическихъ отношеній совершался переворотъ, когда въ семью великихъ европейскихъ державъ вступили два новыхъ могущественныхъ члена, Россія и Пруссія; когда Франція послѣ болѣе чѣмъ двухвѣковой вражды заключила союзъ съ Габсбургами; когда прежніе ея союзники, Турція, Польша и Швеція, на которыхъ она опиралась въ этой борьбѣ, терили могущество и значеніе, а за ними возвышалась Россія, готовая взамѣнъ ихъ явиться союзникомъ Франціи, и 2) требовалось показать, какія причины мѣшали тѣсному сближенію этихъ двухъ государствъ и дѣлали тщетными попытки, направленные къ такому сближенію. Для рѣшенія вопроса имѣется вполне достаточный матеріалъ и пособія. Стоитъ назвать, напр., такія изданія и труды, какъ *Boutaric*, *Correspondance secrète inédite de Louis XV*; *Broglie*, *Le secret du roi*; *Bernis*, *Mémoires et lettres*; *Flassan*, *Hist. générale et raisonnée de la diplomatie française*; *Vandal*, *Louis XV et Elisabeth de Russie* и *Une ambassade française en Orient sous Louis XV*; *Sorel* (*L'Europe et la révol. fr.*; *la Question d'Orient au XVIII siècle*; *Essais d'hist. et de critique*) во Франціи; „Архивъ кн. Воронцова“, „Сборникъ Импер. Историч. Общества“, „Маркизь де ла Шетарди въ Россіи“ *Пекарскаго*, „Ист. Россіи“ *Соловьева*, „Ист. Екатерины II“ г. *Бильбасова*, статьи г. *Теоктистова* въ „Рус. Вѣстн.“ (за 1882) и г. *Безобразова* въ „Рус. Обзор.“ (вышедшія въ истекшемъ году отдѣльною книгою) у насъ въ Россіи. Недавно, въ 1890 г., вышли въ свѣтъ подъ редакціей и съ введеніемъ *Рамбо*, 8-й и 9-й т. „Recueil des instructions données aux ambassadeurs

et ministres de France“, гдѣ собранъ важный и отчасти новый ¹⁾ матеріалъ по исторіи отношеній Франціи къ Россіи, именно инструкціи посламъ. Это изданіе, главнымъ образомъ, и должно было быть положено въ основу сочиненія на данную тему.

На эту тему представлено только одно сочиненіе съ эпиграфомъ: „La distance qui sépare les deux Empires est trop grande pour qu'il se forme jamais une alliance bien étroite entre eux..... Le seul avantage réel que nous pourrions tirer de la Russie seroit celui qu'un commerce animé entre les deux nations nous procureroit“, взятымъ изъ *Mémoire joint à l'instruction de M. le marquis de l'Hôpital du 28 déc. 1756* („Recueil des instructions“...., IX, p. 49—50). Сочиненіе состоитъ изъ введенія (стр. 1—57), именно обзора первыхъ торговыхъ, а затѣмъ и политическихъ сношеній Франціи и Россіи до Петра В. и Екатерины I включительно, 5 главъ (I гл.—до вступленія на престолъ Елизаветы Петровны [стр. 58 сл.]; II—до высылки Шетарди [стр. 120 сл.]; III—до перерыва официальныхъ, дипломатическихъ сношеній [стр. 208 сл.]; IV—до начала Семилѣтней войны [стр. 260 сл.]; V—Семилѣтняя война [364—536]), и краткаго заключенія (стр. 536—537).

Представленное сочиненіе во многихъ отношеніяхъ вполне удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, которыя могутъ быть къ нему предъявлены. Такъ, авторъ пользовался всѣми упомянутыми выше важнѣйшими источниками и пособіями по данному вопросу, въ томъ числѣ и 8—9 т. „Recueil des instructions“. Мѣстами, правда, замѣтно значительное сходство, даже въ выраженіяхъ, съ книгой г. Безобразова: „О сношеніяхъ Россіи съ Франціей“ (ср. стр. 1 у нашего автора и у г. Безобразова; стр. 7—8 и 5—6; 120 и начало XIX гл. у г. Безобразова; стр. 38 и 43; 106 и 165, при чемъ у нашего автора Флерп по ошибкѣ названъ 98-лѣтнимъ, вм. 88-лѣтнимъ); но во многихъ случаяхъ такое сходство объясняется пользованіемъ одними и тѣми же источниками, тѣмъ болѣе, что книга г. Безобразова, вышедшая, какъ было упомянуто, въ истекшемъ году, тоже основана преимущественно на „Recueil des instructions“; а что нашъ авторъ дѣйствительно пользовался указываемыми имъ источниками, особенно матеріаломъ, собраннымъ въ „Recueil“, видно уже изъ того, что приводимыя имъ выдержки перѣдко полнѣе, нежели переводъ г. Безобразова (для примѣра укажемъ хотя бы на донесеніе Лопиталя по поводу болѣзни Елизаветы).

¹⁾ Говорю „отчасти“, такъ какъ многіе изъ напечатанныхъ здѣсь документовъ были уже обнаружены въ „Сбор. Имп. Ист. Общ.“, „Арх. кн. Воронцова“ и т. д.

Примѣромъ внимательнаго отношенія автора къ тѣмъ источникамъ, которые онъ имѣлъ подъ рукою, можетъ служить и то, что онъ замѣтилъ несоотвѣтствіе даты, принимаемой Рамбо, для мемуара Терсье относительно тайной корреспонденціи между Людовикомъ и Елизаветой (IX, 112) съ датой у *Вандалля* (Louis XV et Elis. de Russie, p. 300, n.) и съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ „Арх. кн. Воронцова“, VII, 508, при чемъ дату у Рамбо онъ считаетъ ошибочною. Сочиненіе отличается фактичностью и обстоятельностью. Что касается взглядовъ автора, то, напр., относительно стремленій Елизаветы Петровны къ сближенію съ Франціей онъ не раздѣляетъ мнѣнія г. Θεокτισтова и сходится, напротивъ, съ Вандалемъ, по которому здѣсь, кромѣ политическихъ соображеній, дѣйствовали и личныя симпатіи русской императрицы къ Людовику XV (стр. 69, прим.). Не останавливаясь на подробностяхъ, приведемъ общій выводъ автора, сформулированный имъ вкратцѣ на стр. 536—7: „Мы не беремся судить, права ли была Франція или нѣтъ, относясь постоянно къ Россіи съ недоверіемъ и недружелюбіемъ, не исключая даже того времени, когда преслѣдовала одинаковую съ нею цѣль—ослабленіе Пруссіи. Скажемъ только, что подобныя отношенія вполне естественно и неизбежно вытекали изъ противоположности задачъ, въ теченіе вѣковъ преслѣдовавшихся каждою изъ этихъ державъ; что если бы Франція захотѣла спокойно смотрѣть на усиленіе Россіи, относиться къ ней откровенно и стараться согласовать обоюдные интересы, то должна была бы отказаться отъ вѣковыхъ своихъ традицій и отъ того престижа въ семьѣ европейскихъ государствъ, которымъ она такъ дорожила и который старалась поддерживать. Другое дѣло—что было бы для нея полезнѣе; но послѣднее“ (поддержаніе престижа?) „несомнѣнно, казалось для нея дороже“.

Главнымъ недостаткомъ разсматриваемой работы я считаю *отсутствіе самостоятельнаго и надлежащаго освѣщенія фактовъ*. Авторъ мало обратилъ вниманія на объясненіе послѣднихъ, на ихъ причинную связь. Правда, кромѣ приведеннаго заключенія, онъ и во введеніи, касаясь первыхъ политическихъ сношеній Франціи и Россіи, дѣлаетъ отступленіе и, чтобы объяснить послѣдующее, останавливается на возникновеніи того „восточнаго оплота“, который являлся союзникомъ Франціи въ ея вѣковой борьбѣ съ Габсбургами (стр. 11—26). Но этотъ отдѣлъ не обработанъ какъ слѣдуетъ. Главные мотивы, руководившіе политикой Франціи по отношенію къ Россіи и мѣшавшіе ихъ сближенію, хотя и указываются, но не выясняются съ достаточною подробностью и яркостью.—Затѣмъ, содержаніе сочиненія не вполне соответствуетъ темѣ: центръ тяжести падаетъ на Россію; авторъ преимуще-

ственно обращаетъ вниманіе на отношеніе послѣдней къ Франціи, а не наоборотъ; онъ больше слѣдитъ за русскою, нежели за французскою политикою. А между тѣмъ по смыслу темы желательно было, чтобы представлена была въ систематическомъ, цѣльномъ очеркѣ исторіи именно французской политики по отношенію къ Россіи. Впрочемъ содержаніе второй половины сочиненія, начиная особенно съ IV гл., уже болѣе соотвѣтствуетъ темѣ. Здѣсь мы найдемъ между прочимъ и характеристику Людовика XV и его тайной дипломатіи. Вообще вторая половина сочиненія выше первой.—Если въ работѣ есть пробѣлы, особенно гдѣ дѣло идетъ о Франціи, то съ другой стороны авторъ часто выходитъ изъ предѣловъ темы и представляетъ подчасъ исторію вообще политическихъ отношеній главныхъ государствъ Европы въ срединѣ XVIII в. съ такими подробностями, которыя отвлекаютъ вниманіе отъ главнаго предмета; при томъ, съ такою, болѣе обширною задачею, какую иногда ставитъ себѣ авторъ, ему, конечно, справиться было трудно и его долженъ былъ подавить матеріалъ. Понятно отсюда, почему авторъ не успѣлъ съ надлежащею обстоятельностью рассмотреть отношеніе Франціи къ Россіи въ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, во время первой турецкой войны при Екатеринѣ и перваго раздѣла Польши. Сочиненіе выиграло бы, если бы авторъ нѣкоторые отдѣлы, напр. о первыхъ сношеніяхъ Россіи съ Франціей, объ отношеніяхъ Россіи къ Австріи, о партіяхъ при дворѣ Елизаветы и т. под., изложилъ въ болѣе сжатомъ видѣ, оцувствивъ мелкія фактическія подробности. Грубыхъ ошибокъ и промаховъ не замѣчается; на мелкихъ же неточностяхъ и опискахъ считаемъ лишнимъ останавливаться (см. стр. 12, 37, 13, 306—8 и проч.).

Въ общемъ это обширное сочиненіе (537 стр.), не смотря на отмѣченные недостатки, повторяю, производить впечатлѣніе работы добросовѣстной, основанной на важнѣйшихъ источникахъ и пособіяхъ, съ значительнымъ фактическимъ матеріаломъ, работы, на которую потребовалось немало времени и труда. Въ числѣ достоинствъ ея слѣдуетъ отмѣтить также прекрасное изложеніе, отличающееся плавностью и простотой, отсутствіемъ многословія и риторики. Въ виду всего этого, мнѣ кажется, авторъ вполне заслуживаетъ награжденія если не золотою, то по крайней мѣрѣ серебряною медалью.

И. д. экстраординарнаго профессора *В. Бузескуль*.

Харьковъ.
1893 г., 7-го Января.

Отзывъ профессора Овсянико-Куликовского

о сочиненіи на тему „Разборъ гимновъ Ригъ-Веды, посвященныхъ богу Вишну“, съ девизомъ „cherchons toujours“ (Ренанъ).

Исслѣдованію гимновъ, посвященныхъ Вишну въ Ригъ-Ведѣ, авторъ предпослалъ обстоятельное введеніе, гдѣ онъ излагаетъ исторію изученія Ведъ отъ 40-хъ годовъ до настоящаго времени. Здѣсь мы находимъ правильную характеристику и оцѣнку различныхъ направленій и школъ,—Рота, Людвига, Бѣргэна, Пишеля-Гельднера и др. Авторъ хорошо понимаетъ значеніе и духъ каждаго направленія, его сильныя и слабыя стороны. Личныя симпатіи автора склоняются въ сторону новѣйшаго направленія—Пишеля и Гельднера, стремящихся сблизить эпоху Ведъ съ послѣдующими эпохами и пользующихся данными классической санскритской литературы для объясненія темныхъ словъ и мѣстъ въ ведійскихъ гимнахъ. Въ настоящемъ трудѣ однакоже авторъ не могъ примѣнить этотъ методъ въ должномъ размѣрѣ: для этого необходимо близкое знакомство съ различными отдѣлами санскритской литературы, между прочимъ съ текстами пракритскими и палийскими,—т. е. такая эрудиція, которой нельзя требовать отъ студента. Автору пришлось ограничиться ведійскими текстами (гимнами), и лишь изрѣдка онъ пользуется кое-какими данными изъ Брахманъ (Brahmanas), Унанишады и комментарія Саяны къ Ригъ-Ведѣ.

По моему мнѣнію, въ данномъ вопросѣ такое ограниченіе матеріала едва ли могло принести существенный вредъ исслѣдованію. Если, предположимъ, впоследствии авторъ переработаетъ свой трудъ при помощи данныхъ болѣе поздней санскритской литературы, то, я думаю, ему придется измѣнить или исправить лишь нѣкоторые частности и подробности,—суть же дѣла останется таже.

Вишну,—одно изъ главнѣйшихъ божествъ эпохи „брахманической“, вошедшее въ индійскую троицу (Тримурти),—въ Ригъ-Ведѣ не играетъ видной роли. Его культъ представленъ тамъ всего какими-нибудь пятью гимнами да отдѣльными стихами, ему посвященными въ другихъ гимнахъ. Задача труда состояла въ томъ, чтобы въ этомъ небольшомъ матеріалѣ найти тѣ черты Вишну, которыя помогли ему возвыситься въ концѣ ведійской эпохи, указать отправныя точки, отъ которыхъ пошло движеніе, возвеличившее Вишну, и наконецъ опредѣлить настоящую природу этого божества, т. е. дать отвѣтъ на вопросъ, *какое*

это божество, натуралистическое-ли и специально *солнечное*, какъ думали нѣкоторые изслѣдователи, или иное, напр. *культовое* и *жреческое* (въ родѣ Brahmanaspati).

Авторъ отнесся къ задачѣ серьезно и добросовѣстно и выполнилъ ее вполне удовлетворительно. Онъ внимательно проштудировалъ не только гимны, прямо посвященные Вишну или Вишну и Индрѣ (вмѣстѣ), но и не мало другихъ гимновъ, имѣющихъ хотя-бы лишь косвенное и отдаленное отношеніе къ Вишну; такъ онъ изучилъ гимны Марутамъ и извлекъ оттуда все, что казалось ему представляющимъ извѣстный интересъ по вопросу о развитіи идеи изучаемаго божества. Онъ сгруппировалъ и разобралъ множество мѣстъ изъ гимновъ, посвященныхъ Индрѣ, Варунѣ, Вишвадевамъ, Сомѣ и т. д.,—мѣстъ, гдѣ упоминается Вишну или гдѣ встрѣчаются намеки на его свойства или дѣянія.— Въ результатѣ получилось обстоятельное изслѣдованіе, гдѣ подвергнуты тщательному анализу слѣд. вопросы: 1) отношеніе Вишну къ Индрѣ, 2) отличительные атрибуты Вишну („три шага“ и др.), 3) культовой и жреческій характеръ этого бога и 4) процессъ его возвышенія. Въ ряду атрибутовъ Вишну особенное вниманіе уделено знаменитымъ „тремъ шагамъ“ этого бога, и выводъ автора по этому темному вопросу представляется мнѣ весьма удачнымъ и хорошо-обоснованнымъ.

Чтобы написать такое изслѣдованіе, нужно было уже обладать извѣстной начитанностью въ гимнахъ Ригъ-Веды. Авторъ безспорно овладѣлъ значительной частью этого обширнаго памятника, понимаетъ духъ его, умѣетъ справляться съ трудными мѣстами (какихъ не мало между прочимъ въ гимнахъ Вишну), умѣетъ также критически относиться къ толкованіямъ и мнѣніямъ изслѣдователей. Литература Ведаизма (труды Рота, Грассманна, Людвигъ, Бѣргэна, Циммера, Пишеля, Гельднера, Ольденберга и др.) ему хорошо извѣстна. По многимъ вопросамъ авторъ составляетъ себѣ свой собственный взглядъ, которому нельзя отказать въ научной обоснованности. Онъ обнаруживаетъ также недюжинный талантъ изслѣдователя, искусно группирующаго черты и подробности, сближающаго данныя, которыя на первый взглядъ могутъ казаться неимѣющими связи между собою. Такое умѣніе находить связь между разрозненными чертами, разсыпанными въ разныхъ частяхъ памятника, должно быть признано особенно цѣннымъ въ изслѣдователѣ ведійскихъ гимновъ.

Принимая во вниманіе указанныя солидныя достоинства этого труда, я позволю себѣ ходатайствовать передъ факультетомъ о присужденіи автору *золотой медали*, которую онъ вполне заслужилъ.

Проф. Слав. языковѣдѣнія и Санскрита Дм. Овсяннико-Куликовскій.

Отзывъ профессора И. В. Нетушила о студенческихъ сочиненіяхъ, представленныхъ на тему „Историко-литературный разборъ сборника стихотвореній изъ кружка Мессаллы“.

I.

Въ сочиненіи, помѣченномъ двустипіемъ Тибулла:

*Nec te paeniteat duros subiisse labores
aut opera insuetas atteruisse manus,*

собственному разсужденію на заданную тему предпосланъ краткій обзоръ литературы по критикѣ и экзегетикѣ стихотвореній сборника, ходящаго подъ именемъ Тибулла, и показаны такимъ образомъ наиболѣе распространенные взгляды на составъ этого сборника, равно какъ и на способъ его возникновенія въ кружкѣ Мессаллы.

Главная часть сочиненія, дающая отвѣтъ на предложенный факультетомъ вопросъ, распадается на семь отдѣловъ или главъ, изъ которыхъ первая трактуетъ объ элегіяхъ первой книги Тибулла, вторая—объ элегіяхъ второй книги, а третья—о художественномъ творествѣ Тибулла, насколько оно отражается въ этихъ первыхъ двухъ книгахъ. Затѣмъ четвертая глава посвящена элегіямъ Лигдама, пятая—панегирику Мессаллѣ, шестая—элегіямъ Сульпиціна цикла и, наконецъ, седьмая—письмамъ Сульпиціи и послѣднимъ двумъ элегіямъ сборника, равно какъ и двумъ прианическимъ стихотвореніямъ, приписываемымъ Тибуллу.

Какъ видно изъ этого обзора заглавій, предметомъ первыхъ трехъ главъ служатъ элегіи, безспорно принадлежащія Тибуллу, при чемъ первая и вторая главы даютъ намъ, такъ сказать, исторію постепеннаго возникновенія этихъ стихотвореній или, иначе, ихъ хронологическую послѣдовательность, устанавливая этимъ путемъ взаимную связь ихъ содержанія. Но авторъ разбираемаго сочиненія, подвергая разсмотрѣнію вопросъ о хронологіи Тибулловыхъ элегій, ставитъ этотъ вопросъ не ради его самого, а придаетъ ему, напротивъ, лишь служебное значеніе, имѣя въ виду разъяснить на этомъ основаніи постепенное развитіе художественнаго творчества поэта. Такимъ образомъ первыя двѣ главы являются только подготовительной работой для третьей главы, трактующей о поэтическомъ искусствѣ Тибулла съ точки зрѣнія мотивовъ и композиціи его элегій, ихъ языка и стиля и, наконецъ, ихъ художественности въ построеніи дистиха. Этотъ отдѣлъ принадлежитъ

къ наилучшимъ частямъ сочиненія, свидѣтельствуя съ одной стороны о замѣтной способности автора проникать, такъ сказать, въ самую мастерскую художественно-поэтическаго творчества, а съ другой объ умѣнїи излагать свои наблюденія въ понятной и даже привлекательной формѣ, хотя дѣло и не обходится безъ нѣкоторой юношеской торжественности и выпренности рѣчи (напр. при разборѣ элегїи I, 10 и I, 3). Характеристика и историко-литературная оцѣнка поэзіи Тибулла, какъ по отношенію къ содержанію его элегій, такъ и относительно ихъ формы, является въ общемъ вполне удачной, хотя и нѣсколько неравномѣрной. Жаль, что съ тою же подробностью и наглядностью, съ которою разобрано художественное построеніе метрической формы Тибулловыхъ элегій, не рассмотрѣны также и ихъ стиль и языкъ. По изложенію автора, Тибуллъ оказывается великимъ художникомъ въ поэтической композиціи и въ примѣненіи принятаго для элегїи метра; въ языкѣ же и стилѣ Тибуллъ какъ будто ничѣмъ, или почти ничѣмъ не отличается отъ общаго уровня стихотворной рѣчи своего времени. Правда, нашъ авторъ даетъ также нѣкоторыя, но скудныя, указанія и относительно слога Тибулла. Но дѣло не въ томъ, что у Тибулла есть и чего нѣтъ, а въ томъ, какъ примѣняется поэтомъ наличный, языковой матеріалъ. Желательно было видѣть здѣсь болѣе детальную разработку этого вопроса, аналогично съ такою же разработкою дистиха.

Установивъ такимъ образомъ характеристическія особенности поэтическаго творчества Тибулла, авторъ переходитъ къ третьей книгѣ сборника. Разобравъ элегїи Лигдама по ихъ сходству и различію сперва въ сравненіи съ стихотвореніями Тибулла, а потомъ и Овидія, онъ приходитъ къ заключенію, что Лигдамъ не можетъ быть отождествленъ ни съ Тибулломъ, не даже съ Овидіемъ, но что это былъ поэтъ-подражатель, знавшій хорошо стихотворенія обоихъ своихъ славныхъ современниковъ. При этомъ приводятся обильныя данныя, доказывающія эту зависимость Лигдама, личность котораго, однако, остается неизвѣстной.

Въ пятой главѣ авторъ, охарактеризовавъ панегирикъ Мессаллѣ, видитъ въ немъ нѣчто въ родѣ просительнаго письма безъ малѣйшей поэтической жилки, составленнаго, въ художественномъ отношеніи, по принципу: *je prend mon bien, où je le trouve*. Въ сборникѣ поцало оно только потому, что было написано на имя Мессаллы.

Весьма удачнымъ не только по результатамъ, но и по самостоятельности сужденія является разборъ (гл. VI) шести элегій Сульпиціана цикла. Авторъ вполне справедливо ставитъ эти произведенія весьма

высоко, называя ихъ (стр. 224) „перлами римской поэзіи“. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно отказывается видѣть въ нихъ произведенія самого Тибулла, основываясь на полнѣйшемъ различіи художественной композиціи у обоихъ поэтовъ, что и указывается на разборѣ перваго стихотворенія этого цикла.

Послѣдняя глава посвящена разбору стихотворныхъ писемъ Сулпиціи (къ которымъ, однако, не причисляется элегія IV, 7, отнесенная, какъ и слѣдуетъ, къ предшествующему циклу). Также и здѣсь характеризуется всестороннимъ образомъ (даже и со стороны языка), хотя вообще вкратцѣ, поэтическое умѣніе римской барышни, не возвышающее ея стихотвореній надъ уровнемъ простаго, и притомъ не особенно легко дающагося стихослаганія. Что же касается послѣднихъ двухъ стихотвореній сборника (IV, 13 и 14), приписываемыхъ обыкновенно Тибуллу, главнымъ образомъ ради Ног. с. 1, 33, т. е. ради того, чтобы получить хоть какія нибудь элегіи, которыя можно было бы связать съ именемъ Гликери, то авторъ относится скептически къ вопросу о принадлежности ихъ Тибуллу, не смотря на то, что въ одномъ изъ нихъ упоминается имя этого поэта. То же самое касается обоихъ пріаническихъ стихотвореній, хотя одно изъ нихъ (большее) авторъ признаетъ въ формальномъ отношеніи довольно таки изящнымъ.

Въ качествѣ приложенія авторъ даетъ нѣкоторые критико-экзегетическія замѣчанія: для I, 1, 25 предлагается *jam modo nunc possim*; для II, 2, 2: *sic veniat*; для II, 5, 4: *tua* вм. *tuas*.

Авторъ представляетъ по большей части вездѣ скорѣе лишь общую картину историко-литературной оцѣнки сборника Тибулла, не вдаваясь слишкомъ въ детальную отдѣлку своей темы. Тѣмъ не менѣе изъ самихъ выводовъ, равно какъ изъ указаній на литературу вопроса ясно видно, что детальныя данныя находились въ его распоряженіи вмѣстѣ съ тѣми пособіями, въ которыхъ имѣется въ изобиліи соответственный подробный матеріалъ. Въ общемъ сочиненіе подѣ девизомъ „*nec te paeniteat*“ производитъ весьма выгодное для него впечатлѣніе, свидѣтельствуя не только объ основательномъ знакомствѣ съ самимъ сборникомъ, равно какъ и съ весьма обширной ученой литературой (цитируется до 40 сочиненій), но также и о похвальной самостоятельности сужденій въ критической оцѣнкѣ взглядовъ, высказанныхъ къмъ бы то ни было по отношенію къ отдѣльнымъ пунктамъ темы. Нельзя, однако, одобрять нѣсколько язвительнаго тона, въ который авторъ иногда впадаетъ по адресу даже вполне заслуженныхъ ученыхъ (каковъ напр. Шанцъ).

II.

Другое сочиненіе, представленное на ту же тему, помѣчено девизомъ: „Non eram nescius fore, ut hic noster labor in varias reprehensiones incurreret“.

Послѣ предисловія и перечня пособій (показано 27 сочиненій) авторъ предпосылаетъ собственной темѣ обширное введеніе (болѣе 1-й части всего сочиненія), въ которомъ, подѣ общимъ заглавіемъ: „Вліяніе Августовской эпохи на литературу вообще и поэзію въ частности“, затронуты слѣдующіе вопросы: 1) Характеристика этой эпохи; 2) „Низкое“ положеніе древне-латинской поэзіи (подъ этимъ терминомъ разумѣется вся поэзія до Августа); 3) Возвышеніе поэзіи при Августѣ; стремленіе новыхъ поэтовъ усовершенствовать ее при помощи тщательнаго изученія греческихъ образцовъ и встрѣченная ими оппозиція со стороны поклонниковъ старины; 4) Особенное развитіе риторической поэзіи, въ связи съ тогдашнимъ состояніемъ римскаго общества; 5) Расширеніе книжной торговли и появленіе литературныхъ клубовъ, какъ результатъ литературной моды, и вліяніе, въ свою очередь, этихъ книжныхъ магазиновъ и клубовъ на литературу; 6) Покровительство литературѣ со стороны Августа, причины и послѣдствія этого покровительства; 7) Литературные кружки Мецената, Азинія Полліона и Мессаллы; 8) Главный представитель кружка Мессаллы, Тибулль, и данныя изъ его біографіи.

Собственный отвѣтъ на тему распадается на 5 главъ, изъ которыхъ первая трактуетъ о стихотвореніяхъ, несомнѣнно Тибулловыхъ, съ поэтической стороны, вторая—съ риторической, а третья—грамматической. Четвертая глава посвящена стихотвореніямъ, несомнѣнно „подложнымъ“, къ которымъ причисляются элегіи Лигдама, панегирикъ Мессаллѣ и оба пріапическія стихотворенія. Наконецъ, предметомъ 5-й главы служатъ „сомнительныя“ стихотворенія, а именно дуэтъ Сульпиціи съ Церинтомъ и письма Сульпиціи. Въ концѣ слѣдуетъ краткое заключеніе о способѣ и времени составленія сборника (впрочемъ, словами Штрейффингера).

Работа эта свидѣтельствуетъ объ основательномъ изученіи текста разбираемыхъ стихотвореній, равно какъ и объ обширномъ знакомствѣ съ важнѣйшими пособіями изъ ученой литературы. Центръ тяжести всего сочиненія, насколько она касается отвѣта на тему, заключается въ детальной разработкѣ главныхъ фактовъ. Въ особенности же много матеріала собрано въ отдѣлѣ о риторикѣ и грамматикѣ Тибулла. На тему, предложенную факультетомъ, данъ въ этой работѣ отвѣтъ

удовлетворительный. Однако все сочинение страдает весьма замѣтнымъ недостаткомъ самостоятельности сужденій, что значительно важнѣе указываемаго самимъ же авторомъ отсутствія самостоятельности матеріала, происшедшаго, по словамъ автора (въ предисловіи стр. II), отъ того, что весь матеріалъ, извлеченный имъ самимъ изъ стихотвореній сборника, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ литературой вопроса, оказался уже собраннымъ и разобраннымъ не въ томъ, такъ въ другомъ пособіи. Дѣло, вѣдь, при данныхъ условіяхъ не въ самомъ извлеченіи матеріала, а въ томъ, какъ воспользоваться этимъ матеріаломъ для провѣрки высказанныхъ по отдѣльнымъ пунктамъ разнообразныхъ мнѣній, т. е. для ихъ критической оцѣнки, равно какъ и для подкрѣпленія собственныхъ своихъ выводовъ, долженствующаго состоять по меньшей мѣрѣ въ уясненіи причинъ, почему принимается именно такое мнѣніе, а не другое. Между тѣмъ авторъ кладетъ въ основаніе своего разсужденія наиболѣе ходячіе взгляды на составъ нашего сборника, признавъ ихъ а priori правильными (ср. предисловіе стр. I, гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: „общимъ приговоромъ ученыхъ утверждено ими знаменитаго римскаго элегика за первыми двумя книгами сборника и за стихотвореніями 13 и 14 четвертой книги; третья книга цѣликомъ и первое стихотвореніе четвертой книги всѣмъ признаны подложными; только относительно остальныхъ стихотвореній IV книги мнѣнія ученыхъ расходятся“). Согласно съ этимъ задача автора состояла въ томъ, чтобы подобрать и сгруппировать по возможности побольше матеріала, имѣющаго подтвердить принятое положеніе. Задача эта исполнена такимъ образомъ, что наиболѣе удовлетворительными оказываются грамматическія и метрическія части изложенія предмета, составленныя съ большимъ стараніемъ и несомнѣннымъ пониманіемъ дѣла. Далекое слабѣе тѣ мѣста, въ которыхъ автору приходится имѣть дѣло съ вопросами, выходящими за предѣлы грамматики и метрики. Такова напр. первая глава, заключающая въ себѣ „поэтическій разборъ“ стихотвореній Тибулла. Отличительными признаками Тибулловой поэзіи авторъ признаетъ а) живость изображенія, б) истинное вдохновеніе и с) субъективизмъ. Но изложеніе этихъ качествъ (§ 10), особенно перваго, выходитъ довольно расплывчатымъ, будучи построено болѣе на общихъ мѣстахъ, чѣмъ на фактическихъ данныхъ, что, впрочемъ, и самъ авторъ сознаетъ (въ предисловіи). То же самое касается и § 11, трактующаго о планѣ элегій Тибулла, для которыхъ авторъ принимаетъ а priori то же самое тройственное дѣленіе (введеніе, изложеніе, заключеніе), которое свойственно элегіямъ Лигдама и Сульпицина цикла. Жаль, что авторъ не потрудился провѣрить правильности

этого положенія соотвѣтственнымъ разборомъ хотя бы той же элегій (I, 1), которая вслѣдъ за этимъ представлена въ прозаическомъ переводѣ, исполненномъ самимъ авторомъ. Разборъ, хотя бы только схематическій, согласно съ принимаемымъ тройственнымъ дѣленіемъ, былъ бы здѣсь желателенъ тѣмъ болѣе, что въ этой элегій, по словамъ автора, болѣе чѣмъ гдѣ либо обнаруживается страсть Тибулла переходить быстро отъ предмета къ предмету.

Несамостоятельность сужденія автора выражается также и въ утрировкѣ нѣкоторыхъ и безъ того одностороннихъ взглядовъ, хотя и не лишенныхъ извѣстной доли правды. Такова напр. отрицательная часть сужденія о Тибуллѣ (на стр. 32): „Болѣе глубокій и сложный видъ поэтическаго творчества, драма, гдѣ нужно болѣе *умнья, фантазіи, наблюдательности, вообще таланта*, Тибуллу недоступна“. По чемъ знать? То же самое можно было утверждать напр. также и объ Овидіѣ, еслибъ случайно не сохранилось извѣстіе о его Медеѣ, написанной имъ въ юности. Можно ли утверждать, что драма находилась тогда въ упадкѣ только по недостатку таланта въ писателяхъ? Особенною рѣзкостью отличаются сужденія автора о Виргиліѣ (ср. стр. 20): „Энеида Виргилія—эпосъ возмутительный съ моральной стороны и порядочно слабоватый съ поэтической“. „Виргилій оскандалилъ себя своей Энеидой“. Съ подобною строгостью относится онъ также и къ Августу, такъ что отказывается даже вѣрить въ *искренность* Виргилія въ его отношеніяхъ къ Августу (стр. 20: „питать какую то голубиную нѣжность къ такому человѣку, какъ Августъ, не мыслимо“). Не трудно замѣтить, что мы тутъ имѣемъ дѣло съ отголоскомъ того направленія въ наукѣ, которое, въ погонѣ за новизною темы, развѣнчиваетъ однихъ дѣятелей исторіи и литературы и придумываетъ разныя Rettungen для другихъ. Впрочемъ, послѣдніи замѣчанія касаются главнымъ образомъ только „Введенія“, имѣющаго лишь отчасти прямое отношеніе къ собственной темѣ.

Въ Физико-Математическій факультетъ,

отзывъ з.-о. пр. Г. Левицкаго о работѣ, представленной для соисканія
преміи проф. Павловскаго.

Наблюденія покрытій звѣздъ и планетъ луною, въ особенности на обсерваторіяхъ, географическія координаты которыхъ точно опредѣлены, имѣютъ, какъ извѣстно, очень важное значеніе для теоріи движенія и фигуры луны. Наблюденія эти пріобрѣтаютъ тѣмъ болѣе вѣсъ, чѣмъ

на большемъ числѣ станцій они одновременно сдѣланы. Наиболѣ интересны, при этомъ, наблюденія надъ покрытіемъ луною какой нибудь группы звѣздъ и наимудобнѣйшая изъ подобныхъ группъ — это группа Плеядъ. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ на Пулковской обсерваторіи производились заблаговременно предвычисленія важнѣйшихъ покрытій для всѣхъ наиболѣ извѣстныхъ обсерваторій. Но такое предвычисленіе, даже и при обширныхъ средствахъ Пулковской обсерваторіи, могло быть производимо только для очень незначительнаго числа покрытій. Избираются именно такіе, какіе бываютъ видимы во время полныхъ лунныхъ затменій, — т. е. при наивыгоднѣйшихъ для точности наблюденій условіяхъ.

Предвычисленія покрытій, несмотря на изящные аналитическіе и геометрическіе способы, предложенные для этой цѣли, требуютъ, сравнительно, не малой затраты времени. Между тѣмъ, неблагоприятная погода и малая яркость покрываемыхъ звѣздъ дѣлають весьма часто невозможнымъ наблюденіе предвычисленнаго покрытія. Поэтому постоянныя наблюденія покрытій, несмотря на ихъ важность, производятся лишь на немногихъ обсерваторіяхъ, имѣющихъ значительный персоналъ.

Желаніе найти въ Харьковѣ такое лицо, которое взяло бы на себя, хотя на одинъ годъ, часто весьма благодарный трудъ предвычисленія покрытій, побудило меня предложить на соисканіе преміи проф. Павловскаго тему о покрытіяхъ звѣздъ луною. На тему эту представлено лишь одно сочиненіе. Авторъ начинается съ вывода основныхъ уравненій покрытія, при чемъ, къ сожалѣнію, придерживается изложенія Берн, вмѣсто простаго и изящнаго изложенія Бесселя. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ вводныхъ замѣчаній, авторъ переходитъ къ изложенію способовъ предвычисленій покрытій, при чемъ излагаетъ, какъ аналитическіе способы, такъ и геометрическіе, до новѣйшаго способа Калландро включительно. Изложеніе указываетъ на то, что авторъ достаточно ознакомился съ литературой предмета, хотя нельзя сказать, что онъ вполне удачно воспользовался имѣвшимися у него матеріалами. Вообще, разсужденіе представляется написаннымъ нѣсколько поспѣшно. Такъ, замѣтно, что авторъ познакомился съ общей теоріей затменій, частный случай которыхъ представляютъ покрытія. Однако связи между этими явленіями авторъ не указываетъ, но вводитъ изъ теорій затменій, въ сущности, ненужное для теорій покрытій розысканіе восточныхъ и западныхъ границъ видимости покрытія, не опредѣляя, въ тоже время, его сѣверной и южной границы. Не совсѣмъ удачно выводитъ также авторъ наибольшую продолжительность видимости одного и того же покрытія.

Въ концѣ статьи авторъ указываетъ нѣкоторые примѣненія наблюдений покрытій и сообщаетъ также о результатахъ собственныхъ наблюдений. Авторъ предвычислилъ всѣ покрытія, какія могли быть наблюдаемы въ Харьковѣ отъ января по октябрь 1892 года. Однако, изъ пятидесяти съ лишнимъ покрытій, какія были предвычислены, по причинѣ облачности неба или слабой яркости звѣздъ, удалось наблюдать лишь очень небольшое число. Не всѣ сдѣланныя имъ наблюденія, по разнымъ причинамъ, авторъ считаетъ одинаково благонадежными. Выбравъ, по его мнѣнію, наилучшее изъ нихъ, авторъ, для примѣра, вычисляетъ изъ него поправку предварительно принятой долготы.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что авторъ успѣшно выполнилъ главнѣйшія части предложенной работы. Имъ были предвычислены всѣ могущія быть наблюдаемыми покрытія и наблюдаены тѣ изъ нихъ, какія могли быть наблюдаемы. Въ тоже время авторъ въ достаточной степени ознакомился съ теоретической стороной вопроса и усвоилъ себѣ приемы предвычислений покрытій. Въ виду этого, также принимая во вниманіе краткость срока, который имѣлъ авторъ для того, чтобы собрать большее, чѣмъ то ему удалось, количество наблюдений, я считалъ бы справедливымъ поощрить автора разсматриваемаго сочиненія присужденіемъ ему премии проф. Павловскаго.

Г. Левицкій.

Отчетъ о сочиненіи „Аналитическая теорія плоскихъ кривыхъ 3-го порядка“, представленномъ на соисканіе наградъ подъ девизомъ:

$$y^2 z = a x^3 + 6 x^2 z + c x z^2 + d z^3.$$

Подъ названнмъ девизомъ мы имѣемъ передъ собою сочиненіе, представляющее изложеніе ученія о кривыхъ 3-го порядка въ достаточной полнотѣ, но безъ излишнихъ подробностей. Авторъ очень отчетливо распредѣлилъ весь матеріалъ на восемнадцать параграфовъ, изъ которыхъ каждый посвященъ особому вопросу и между которыми въ то же время существуетъ непрерывная органическая связь. Само собою разумѣется, что какъ самое содержаніе отдѣльныхъ параграфовъ, такъ и соподчиненіе ихъ между собою, заимствованы авторомъ изъ изученныхъ имъ источниковъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что въ распредѣленіи матеріала и самомъ изложеніи авторъ былъ довольно самостоятеленъ и далекъ отъ близкаго подражанія. Въ этомъ мы видимъ главную заслугу автора.

При изложеніи предмета, авторъ, какъ и слѣдовало ожидать, главное вниманіе обращаетъ на теорію поляръ и выведенныя изъ нея слѣдствія, что приводитъ къ достаточно полному разъясненію такъ называемыхъ проективныхъ свойствъ кривыхъ. Свойства кривыхъ, сохраняющіяся при преобразованіяхъ, обусловливаются, какъ извѣстно, неизмѣняемостью или измѣняемостью по опредѣленному закону алгебраическихъ формъ, извѣстныхъ подъ названіемъ инвариантовъ и ковариантовъ. Геометрическому объясненію этихъ формъ дается въ сочиненіи достаточно мѣста, но самое введеніе ихъ въ теорію и установленіе о нихъ понятія сдѣлано слишкомъ торопливо и суммарно, вслѣдствіе чего для незнающаго предмета читателя мѣста сочиненія, въ которыхъ говорится объ этихъ формахъ, должны остаться совершенно непонятными. Это мы считаемъ главнымъ недостаткомъ сочиненія. Другой недостатокъ это неряшливость языка, вслѣдствіе которой въ сочиненіи встрѣчаются очень часто неправильныя выраженія, представляющія постоянное смѣшеніе предмета съ его символомъ, какъ напр. квадратъ прямой вмѣсто двѣ совпадающія прямыя. Сюда же должно отнести ходячія на ученическомъ языкѣ слова, по нашему мнѣнію не заслуживающія одобренія и неумѣстныя въ хорошемъ изложеніи, таково напр. слово передѣлка, въ смыслѣ выполненія указанныхъ дѣйствій или преобразованій. Мы не рѣшаемся поставить это автору въ большую вину, такъ какъ нестрогость къ языку и выраженіямъ въ настоящее время явленіе, очень распространенное въ средѣ учащихся, но, тѣмъ не менѣе, съ такими недостатками сочиненіе не можетъ быть одобрено для напечатанія. Какъ хорошую особенность сочиненія отмѣтимъ подробно изложенную классификацію кривыхъ 3-го порядка, ведущую, какъ извѣстно, свое начало еще отъ Ньютона. Отдѣльные виды кривыхъ разъясняются авторомъ, какъ словесными описаніями и уравненіями, такъ и многочисленными рисунками.

Въ общемъ сочиненіе можетъ быть признано очень хорошимъ, но не безукоризненнымъ, и потому я считаю справедливымъ присужденіе автору награды второй степени, т. е. серебряной медали.

Профессоръ *К. Андреевъ*.

Харьковъ,
7 января 1893 г.

Отчетъ о сочиненіи „Изложеніе аналитической теоріи плоскихъ кривыхъ 3-го порядка“, представленномъ на соисканіе награды подъ девизомъ:

„Il ne faut donc négliger aucune vérité intéressante par elle-même, indépendamment de toute utilité pratique“.

Duhamel.

Авторъ сочиненія, носящаго названный выше девизъ, задался, повидимому, цѣлью дать самое полное изложеніе свойствъ линій 3-го порядка на плоскости, пользуясь, какъ орудіемъ изслѣдованія, способомъ трилинейныхъ или однородныхъ координатъ и въ то же время опираясь на тѣ общіе выводы, которые даются въ новой алгебрѣ по отношенію къ троячнымъ формамъ, т. е. однороднымъ многочленамъ съ тремя неизвѣстными. Не желая однако слишкомъ расширять этого изложенія, онъ бралъ названные выводы лишь въ томъ ихъ ограниченіи, въ какомъ они непосредственно прилагаются къ его предмету, т. е. кривымъ 3-го порядка. Такой планъ труда и такія намѣренія могутъ быть, конечно, только одобрены и свидѣтельствуютъ, что авторъ хорошо понималъ свою задачу. Къ сожалѣнію, своему желанію избѣжать излишней распространенности автору не удалось удовлетворить. Можно даже сказать, что весь трудъ представляетъ собою прямое противорѣчіе этому желанію, хотя въ другомъ смыслѣ, чѣмъ указано выше. Въ сочиненіи, правда, нѣтъ излишней общности, въ немъ не говорится ни о какихъ формахъ, включающихъ въ себѣ кривыя 3-го порядка, какъ частный случай, но то, что говорится объ этихъ кривыхъ, чрезвычайно многословно, уснащено множествомъ второстепенныхъ подробностей и не представляетъ достаточно яснаго разграниченія существенныхъ вещей отъ частныхъ. По нашему мнѣнію, сочиненіе это значительно выиграло бы, если бы половина заключающихся въ немъ частныхъ была совсѣмъ выпущена; другая же половина поставлена въ болѣе отчетливо выраженную зависимость отъ немногихъ основныхъ истинъ болѣе общаго характера.

Нельзя, конечно, поставить эту расплывчатость, это неумѣнье концентрировать свои сужденія въ большую вину автору. Прежде всего это общій недостатокъ всѣхъ начинающихъ и притомъ пишущихъ на заданную тему; въ такихъ условіяхъ пишущій старается обыкновенно втиснуть въ свое сочиненіе совершенно все, что знаетъ о предметѣ и, не будучи умѣлымъ судьей качества своего изложенія, силится наверстать на количествѣ. Затѣмъ нельзя отрицать, что авторъ настоящаго

сочиненія стремился, какъ могъ, достигнуть расчлененности и отчетливости изложенія и для этого прежде всего подраздѣлялъ свой трудъ на параграфы и главы. Наконецъ, слѣдуетъ признать за авторомъ заслуги, вполне перевѣшивающія названный недостатокъ. Таковую заслугу мы видимъ, во-первыхъ, въ подробномъ и, очевидно, сознательномъ ознакомленіи съ предметомъ заданной темы по источникамъ, перечисленнымъ въ концѣ сочиненія, и во-вторыхъ, въ стремленіи изложить усвоенное вполне самостоятельно въ переработанномъ, такъ сказать, видѣ. Слѣдуетъ упомянуть также о нѣкоторыхъ попыткахъ автора сказать кое-что свое, новое, напр. о полярныхъ многоугольникахъ.

Считая излишнимъ указывать на содержаніе сочиненія по главамъ, замѣтимъ только, что центръ тяжести всего труда по важности излагаемыхъ вопросовъ находится въ третьей главѣ, носящей заглавіе: Теорія поляръ. Въ этой главѣ выясняется значеніе алгебраическихъ формъ, извѣстныхъ подъ названіемъ инвариантовъ, ковариантовъ и контравариантовъ даннаго уравненія. При помощи этихъ формъ и изъ геометрическихъ истолкованій выводятся обыкновенно (и авторъ дѣлаетъ это съ большими подробностями часто въ ущербъ ясности) уравненія кривыхъ, связанныхъ съ данною кривою опредѣленными геометрическими зависимостями, каковы кривыя Гессе и Кэлле, обнаруживаются зависимости между числомъ и расположеніемъ точекъ перегиба кривой и касательныхъ въ нихъ, усматриваются опредѣленные соотвѣтствія между точками одной и той же кривой и т. д. Въ этой главѣ не только не пропущено авторомъ ничего существеннаго, но нѣтъ второстепеннаго свойства, которое онъ ни постарался бы, если не вполне разъяснить, то, по крайней мѣрѣ, рассказать на нѣсколько способовъ. Къ этой-то главѣ, при всей ея важности для содержанія сочиненія, и долженъ болѣе всего относиться нашъ упрекъ автору во многословіи.

Нѣсколько отчетливѣе изложена послѣдняя глава, также весьма важная, содержащая ученіе о метрическихъ свойствахъ кривыхъ, т. е. такихъ свойствахъ, которыя имѣютъ отношеніе къ безконечно удаленнымъ точкамъ и прямымъ, и которыя выражаются зависимостями между величинами. Здѣсь перечисляются всевозможные виды діаметровъ и центровъ кривыхъ 3-го порядка, а также даются опредѣленія фокусовъ по Плюкеру и разъясненія ихъ относительнаго расположенія.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что сочиненіе содержитъ не мало погрѣшностей противъ языка. Очень часто встрѣчаются неправильно построенныя фразы, неточныя выраженія и даже непонятныя темныя мѣста. Очень можетъ быть, что нѣкоторыя изъ этихъ погрѣшностей нужно объяснить случайными ошибками при перепискѣ, но,

тѣмъ не менѣе, эти несовершенства сочиненія по его внѣшности дѣлаютъ неудобнымъ его печатаніе.

Какъ бы то ни было, принимая во вниманіе большой трудъ автора, употребленный на предварительное изученіе предмета и несомнѣнно хорошее усвоеніе этого предмета во всѣхъ подробностяхъ, а также стремленіе автора быть въ своемъ изложеніи вполне самостоятельнымъ, мнѣ кажется, слѣдуетъ признать сочиненіе достойнымъ награды, но по причинѣ недостатковъ внѣшняго характера эта награда не должна быть первой степени. Короче сказать, я нахожу справедливымъ присудить автору сочиненія подѣ девизомъ: „Il ne faut donc négliger etc.“ серебряную медаль.

Профессоръ К. Андреевъ.

Харьковъ,
7 января 1893 г.

Разборъ сочиненія, съ девизомъ Feci quod potui, представленнаго на соисканіе награды, на тему „Геологическое описаніе города Харькова, съ геологической картой и вертикальными разрѣзами“, заданную физико-математическимъ факультетомъ.

Сочиненіе представляетъ довольно объемистую рукопись, сопровождаемую раскрашенной геологической картой, въ масштабѣ 100 саж. въ 1 англ. дюймѣ, съ двумя также раскрашенными вертикальными разрѣзами (горизонтальный масштабъ 20 саж. во 0,01 саж. и вертикальный 5 саж. въ 0,01 саж.), приуроченными къ городскимъ нивелировочнымъ линіямъ въ сѣверо-южномъ и западо-восточномъ направленіяхъ, и съ вертикальными разрѣзами 31 буровой скважины, проведенной въ различныхъ точкахъ города.

Авторъ, послѣ краткаго введенія, разсматриваетъ послѣдовательно оро- и гидрографію Харькова; затѣмъ описываетъ естественныя и искусственныя обнаженія почвы г. Харькова въ долинахъ рѣкъ Лопани и Харькова; далѣе слѣдуютъ геологическія обобщенія—геологическія системы и ярусы, развитые въ Харьковѣ—и въ концѣ прибавлено краткое замѣчаніе о подземныхъ водахъ въ г. Харьковѣ.

Вмѣсто введенія, авторъ указываетъ на интересъ вопроса о геологическомъ строеніи Харькова, какъ густонаселеннаго центра, въ которомъ чаще встрѣчается надобность въ знакомствѣ съ геологіей мѣстности, и приводитъ примѣры другихъ большихъ городовъ въ этомъ отношеніи. Изъ этого введенія видно, что авторъ имѣлъ намѣреніе, на основаніи

изученія проведенныхъ въ послѣдніе годы въ Харьковѣ буровыхъ скважинъ и коллекцій горныхъ породъ изъ нихъ, а также на основаніи провѣрочныхъ наблюденій естественныхъ обнаженій и литературныхъ данныхъ, составить цѣльное геологическое описаніе Харькова съ приложеніемъ геологической карты и разрѣзовъ.

Въ орогидрографическомъ очеркѣ разсматривается рельефъ мѣстности—возвышенныя мѣстности и долины рѣкъ Лопани и Харькова; первыя составляютъ коренную почву города, а вторыя заняты рѣчными отложеніями съ искусственными насыпями. Въ этой главѣ представляютъ интересъ террасы и границы ихъ, выслѣженные авторомъ довольно точно и отмѣченныя на картѣ. Эти террасы имѣютъ различное строеніе и разновременнаго происхожденія; средняя (вторая) древнѣе нижней (первой). Здѣсь же авторъ распространяется объ измѣненіи русла Лопани, протекавшей прежде ближе къ правому берегу долины, и объ измѣненіяхъ наружнаго вида поверхности подъ вліяніемъ чловѣка, который уваживалъ значительную часть площади, на которой живетъ.

Описывая долину Лопани, авторъ весьма тщательно шагъ за шагомъ приводитъ отдѣльныя обнаженія какъ на правомъ берегу долины—Холодная, Лысая гора, Ивановка, такъ и на лѣвомъ берегу, начиная отъ Саржина Яра въ Павловкѣ до Университетской горки включительно. Всѣ естественныя обнаженія ограничиваются: 1) наносами, 2) пестрыми глинами (не вездѣ), 3) бѣлыми и желтыми песками и 4) зелеными глауконитовыми песками, глинами и такъ называемой „Харьковской породой“ (Богомоловскій оврагъ). Авторъ открылъ еще на границѣ между дялювіальной желтобурой глиной и пестрой глиной въ Досѣкинскомъ яру прѣсноводный (доледниковый) мергель и при устьяхъ овраговъ древніе рѣчно-озерные пески съ тонкою и часто ложною (діагональною) слоистостью.

Послѣдовательность пластовъ въ нисходящемъ порядкѣ видна изъ многочисленныхъ буровыхъ скважинъ правой и лѣвой стороны Лопани, которыхъ разрѣзы приводятся и сопоставляются въ этой главѣ. Здѣсь встрѣчаются буров. скважины въ 5, 10, 15 сажень и наконецъ артезіанскій колодезь въ 305 саж. въ Карповскомъ или Городскомъ саду. Ниже Харьковской породы (зеленаго песчаника) залегаетъ пластъ зеленовато-голубой пластической мергельной глины, толщина которой подъ Холодной горой нѣсколько болѣе, нежели подъ русломъ Лопани. Но вообще толщина достигаетъ до 9 саж. Этимъ то слоемъ водонепроницаемой голубой глины отдѣленъ карповскій горизонтъ воды отъ нижележащаго—фосфоритовыхъ песковъ, толщина которыхъ достигаетъ

29'. Эти пески насыщены водою, восходящею по буровымъ скважинамъ, почти до лѣтнаго уровня рѣчныхъ водъ. Далѣе авторъ приводитъ описаніе средней и нижней террасы правой стороны Лопани и буровыя скважины, проведенныя на этихъ террасахъ. Средняя терраса лежитъ выше (4,5 саж. надъ нижней) и отличается тѣмъ, что покрыта наноснымъ глинистымъ покровомъ; на этой террасѣ найдены авторомъ слоистые пески съ галькою харьковскаго зеленого песчаника. Нижняя терраса покрыта рѣчными илстыми песками и постепенно сливается съ заливной долиной, которая впрочемъ въ городѣ поднята искусственно насыпью, въ видѣ набережныхъ.

Въ слѣдующей главѣ приводится описаніе строенія долины р. Харькова, которое въ сущности мало чѣмъ отличается отъ строенія Лопанской долины. Авторъ и здѣсь на лѣвомъ берегу отмѣчаетъ на картѣ двѣ террасы. Второй и послѣдній уступъ находится за городомъ. На правомъ берегу террасъ не наблюдается; онъ высокъ и обрывистъ и представляетъ одинъ уступъ. По правому берегу Харькова авторъ описываетъ шагъ за шагомъ всѣ естественныя обнаженія отъ Куликовой горы (Благотворительное Общ.) до Журавлевки и далѣе; онъ обращаетъ вниманіе на сложный составъ дилuvia и на древнія прѣсноводныя отложения. Далѣе описываются многія буровыя скважины, изъ которыхъ одна (Шабельскаго) доходитъ до мѣла, а другая на х. Лося важна въ томъ отношеніи, что прорѣзываетъ всѣ породы отъ дилувіальныхъ наносовъ до фосфоритовыхъ песковъ съ ихъ нормальной толщиной, которая не отличается отъ толщины соотвѣствующихъ пластовъ Холодной горы. Слѣдовательно, долины Лопани и Харькова лишь нарушаютъ связь этихъ пластовъ до голубой мергельной глины, которая служитъ ложемъ названнымъ рѣкамъ.

Отъ наблюдательности автора не укрылись и *золотые пески* Холодной горы, Основы и Сабуровой дачи, происшедшія подъ вліяніемъ дѣятельности вѣтра изъ яруса бѣлыхъ песковъ. Приводится интересная историческая справка изъ топографическаго описанія Харьковскаго намѣстничества о содѣйствіи челоуѣка развитію этихъ летучихъ или дюнныхъ песковъ, засыпающихъ культурный слой почвы. Породы, лежащія глубже фосфоритовыхъ зеленыхъ и сѣрыхъ песковъ, описаны по литературнымъ источникамъ, именно по даннымъ объ артезіанскомъ колодцѣ во дворѣ машиннаго зданія водопровода. Сюда входятъ мѣловыя породы.

Слѣдующій отдѣлъ разсматриваемаго труда заключаетъ обобщеніе частныхъ разрѣзовъ, описанныхъ въ первомъ отдѣлѣ сочиненія, и сводка всѣхъ пластовъ въ ярусы и системы. Здѣсь самостоятельнымъ

является у автора петрографическое и химическое изслѣдованіе горныхъ породъ, слагающихъ различные ярусы. Такъ онъ произвелъ изслѣдованіе мѣла по образцамъ изъ артезіанскаго колодца, сдѣлалъ опредѣленіе Ca Co_3 и показалъ, что мѣловая толща подѣ Харьковомъ представляетъ чистый мѣлъ (94,61% Ca Co_3) на глубинѣ 1163', а выше и ниже постепенно количество Ca Co_3 уменьшается, пока онъ не переходитъ въ мергель и мергельныя глины. Подѣ микроскопомъ обнаруженъ составъ мѣла изъ кокколитовъ и скорлупокъ различныхъ фораминиферъ (преимущ. *globigerinae*). Третичную систему—Палеогенъ и Неогенъ—представляютъ зеленныя глауконитовыя песчано-глинистыя породы такъ назыв. „Харьковскаго яруса“, яруса бѣлыхъ песковъ и яруса пестрыхъ глинъ. Здѣсь авторъ сдѣлалъ химическое разложеніе харьковской породы (песчаника) изъ трехъ пунктовъ: Журавлевки, Технологическаго института и отъ Пантелеймоновской церкви (Пѣски) и доказалъ различіе глинистой и кремнистой разновидности присутствіемъ въ послѣдней аморфнаго кремнезема въ большемъ количествѣ. Аморфный кремнеземъ обязанъ участію въ составѣ породы кремневыхъ иголъ, губокъ и панцирей радіолярій и діатомовыхъ, а отчасти разложенію глауконита и ортоклаза подѣ вліяніемъ воды, содержащей Co_2 и щелочи. Далѣе приведены химическіе анализы голубой мергельной глины изъ Саржина яра и артезіанскаго колодца въ Карновскомъ саду. Оказалось, что въ сѣверной части города эта глина теряетъ Ca Co_3 выщелачиваніемъ, что связано съ отсутствіемъ въ такихъ образцахъ микроскопическихъ известковыхъ скорлупокъ фораминиферъ.

Изъ фосфоритовыхъ песковъ авторъ обращаетъ вниманіе на форму фосфорита, хотя не сдѣлалъ ни одного анализа фосфоритовыхъ желваковъ ни микроскопическаго, ни химическаго для рѣшенія вопроса о происхожденіи. Далѣе приводится общая палеонтологическая характеристика и условія образованія породъ Харьковскаго яруса по литературнымъ источникамъ. Здѣсь авторъ мало могъ внести своего, потому что требовались изслѣдованія на болѣе обширной площади.

Ярусъ бѣлыхъ песковъ и ярусъ пестрыхъ глинъ слабѣе изслѣдованы въ петрографическомъ и другихъ отношеніяхъ, кромѣ стратиграфическихъ. Все описаніе представляетъ силовное заимствованіе изъ сочиненій другихъ авторовъ, занимавшихся геологіей юга Россіи и введено, очевидно, ради полноты описанія.

Въ описаніи *дилювіальныхъ отложеній* Харькова, обращаетъ на себя вниманіе интересное открытіе авторомъ *прѣсноводнаго доледниковаго мергеля*, содержащаго смѣсь прѣсноводныхъ (озерныхъ) и сухопутныхъ раковинъ.

Весьма слабо разобраны дилювіальныя глины и отношенія ихъ къ лёсовиднымъ суглинкамъ, представляющимъ собственно у насъ дождевой смывъ по склонамъ мелкихъ продуктовъ вымыванія и отмучиванія. Интересенъ фактъ нахожденія древнихъ рѣчно-озерныхъ, но послѣдниковыхъ слоистыхъ песковъ на средней террасѣ, содержащихъ прѣсноводныя раковины. Они налегаютъ на харьковскую породу въ мѣстахъ выклиниванія яруса бѣлыхъ песковъ. Эти прѣсноводные пески скоро вверхъ по склону исчезаютъ.

Затѣмъ авторъ кратко касается вѣроятныхъ геологическихъ перемѣнъ въ мѣстности, занятой Харьковомъ. Очевидно, онъ здѣсь не могъ прибавить ничего такого, что не было бы извѣстно для всей полосы, въ которой лежитъ Харьковъ. Оканчиваетъ свой трудъ авторъ краткимъ замѣчаніемъ о подземныхъ водахъ, изъ котораго видно, что бѣлые пески уже высохли и не содержатъ постоянного запаса воды, какъ это было прежде, и первымъ подземнымъ воднымъ горизонтомъ нужно считать карповскій (Харьковскій песчаникъ), дебитъ котораго все болѣе и болѣе уменьшается и вода въ немъ загрязняется.

Изъ приведеннаго содержанія видно, что авторъ располагалъ обширнымъ сырымъ геологическимъ матеріаломъ и притомъ весьма точнымъ, какъ разрѣзы буровыхъ скважинъ, которыхъ у него разсмотрѣно 31. Изъ нихъ 30 буровыхъ скважинъ глубиною отъ 5 до 20 саж. и артезианскій колодезь въ 305 саж. На основаніи журналовъ буровыхъ скважинъ авторъ могъ точно разграничить пласты, опредѣлить ихъ толщину и сдѣлать подземную нивелировку верхней и нижней поверхности каждаго пласта. При такихъ только данныхъ авторъ могъ вычертить вертикальные разрѣзы черезъ Харьковъ, пользуясь готовыми нивелировками въ извѣстныхъ направленіяхъ. Мы видимъ, что составитель геологическаго описанія подробно осматрѣлъ всѣ обрывы, карьеры и раскопки, неупустивъ ничего при изслѣдованіи, что клонилось къ разъясненію геологическаго строенія мѣстности. Я считаю еще весьма важнымъ открытіемъ прѣсноводнаго доледниковаго мергеля на границѣ пестрыхъ глинъ и дилювіальнаго (мореннаго) суглинка; этимъ рѣшается вопросъ о принадлежности яруса пестрыхъ глинъ къ пліоцену третичной системы. Затѣмъ нахожденіе прѣсноводныхъ рѣчно-озерныхъ песковъ у устья балокъ на харьковской породѣ, на высотѣ 5 саж. надъ дномъ долины, указываетъ на болѣе высокій уровень материковыхъ водъ въ эпоху, предшествовавшую нашей. Съ тѣхъ поръ наша мѣстность дренировалась, вслѣдствіе углубленія руслъ на 5 саженъ. Кромѣ того, авто-

ромъ приведены нѣкоторые небезъинтересные факты, наприм., выводъ изъ сравненія разрѣзовъ буровыхъ скважинъ, что толщина голубой мергельной глины на Холодной горѣ (Эрманъ) 63', на х. Лося за Харьковомъ 85', а внутри города, въ долинахъ 32'. Это указываетъ на то, что рѣки коснулись своимъ размывомъ и этого слоя. Харьковская порода оказывается, по изслѣдованіямъ автора, совершенно уничтоженною въ долинахъ, а это въ высшей степени важно по отношенію карповскаго горизонта водъ, къ которому открывается такимъ образомъ въ половодье доступъ грязной рѣчной воды непосредственно, гдѣ русло близко къ обнаженіямъ харьковскаго песчаника, какъ въ Карповскомъ саду у Богомоловскаго оврага.

По моему мнѣнію, авторъ весьма добросовѣстно отнесся къ своей задачѣ, поставленной въ началѣ сочиненія, умѣло воспользовался обширнымъ готовымъ матеріаломъ, показалъ хорошее знакомство съ приемами геологической съемки и съ большою осторожностью дѣлалъ обобщенія. Его трудъ, если и страдаетъ нѣкоторыми недостатками въ изложеніи, то это видимо зависило отъ перваго дебюта на литературномъ поприщѣ. Нельзя не пожелать видѣть этотъ трудъ въ печати, конечно, предварительно исправивъ его и дополнивъ главу о подземной водѣ, которою такъ интересуется Харьковъ. Теперь же, принимая во вниманіе положительныя качества этой работы, я съ особеннымъ удовольствіемъ долженъ признать ее заслуживающею награжденія золотой медалью.

Профессоръ А. Гуровъ.

8 января 1893 г.

Для соисканія медали представлено два сочиненія. Одно изъ нихъ подъ эпиграфомъ „*Viribus unitis*“, другое подъ эпиграфомъ „*Suum cuique*“.

Сочиненія обоихъ авторовъ служатъ доказательствомъ основательнаго знакомства ихъ съ дѣйствующимъ законодательствомъ объ акціонерныхъ компаніяхъ (русскимъ, германскимъ, итальянскимъ, швейцарскимъ, французскимъ и англійскимъ), а также и съ пособіями, указанными при назначеніи темы.

Поэтому силы, которыми располагали авторы, приступая къ исполненію работы, были приблизительно равны. Самое исполненіе работы представляетъ до извѣстной степени одинаковые достоинства и недостатки. Разница является скорѣе въ приемахъ при разработкѣ темы.

Въ авторѣ сочиненія „Viribus unitis“ преобладаетъ стремленіе—исходить отъ сопоставленія статей дѣйствующаго въ разныхъ странахъ акціонернаго законодательства,—и при такомъ сопоставленіи пользоваться литературою акціонернаго права для освѣщенія законодательныхъ положеній. Вслѣдствіе этого приѣма, сочиненіе носитъ на себѣ отпечатокъ извѣстной самостоятельности мысли.—Какъ бы господствуя надъ своею темою, авторъ высказываетъ въ общемъ изложеніи похвальную увѣренность въ своихъ силахъ.

Приѣмъ автора сочиненія „Suum cuique“ нѣсколько отличный. Къ положеніямъ акціонернаго законодательства доходитъ онъ путемъ, расчищеннымъ уже литературою акціонернаго права. А потому, эти положенія представляютъ для него поводъ—дѣлать провѣрку мнѣній писателей о разныхъ вопросахъ, посредствомъ сопоставленія этихъ мнѣній, съ цѣлью ихъ оцѣнки,—при чемъ авторъ обнаруживаетъ нѣрѣдко юношескую свѣжесть и смѣлость мысли.

Оба автора начинаютъ свои сочиненія „историческимъ очеркомъ“,—которому во всякомъ случаѣ недостаетъ *исторической* характеристики. У автора „Viribus unitis“ этотъ очеркъ изложенъ болѣе подробно (стр. 1—24), чѣмъ у автора *Suum cuique*;—но мысли объ общемъ значеніи акціонерной формы предпріятій изложены у перваго (*Viribus unitis*) вкрапленно, на протяженіи всего сочиненія;—у автора втораго сочиненія (*Suum cuique*) эти мысли изложены въ самомъ началѣ (стр. 1—8), а подъ конецъ подведены и нѣкоторые итоги изъ всего сочиненія (стр. 151—155).

Содержаніе обоихъ сочиненій относится къ учрежденію Акціонерныхъ К^о, при существованіи двухъ системъ (явочной и концессионной), и къ организаціи управленія ими: Матеріалъ для такого содержанія данъ самими законодательствами;—поэтому вниманіе изслѣдователей (по самому существу дѣла) сосредоточивается на разработкѣ деталей, при чемъ авторы пользуются свободою творчества при распредѣленіи матеріала въ томъ или другомъ порядкѣ. Такъ, у автора сочиненія „*Suum cuique*“ статья о правахъ и обязанностяхъ акціонера—по обычаю изложена послѣ объясненія значенія акціи и облигаціи (стр. 48—60), между тѣмъ, какъ у автора „*Viribus unitis*“ таже статья изложена почти въ концѣ (стр. 127—139). Это представляетъ нѣкоторую оригинальность, такъ какъ даетъ возможность сдѣлать сводъ различнымъ (вышеприведеннымъ) постановленіямъ, касающимся интереса акціонеровъ.

Такою же новинку представляетъ попытка автора „*Viribus unitis*“ изложить статью „о правахъ и обязанностяхъ правленія“ прежде статьи

„объ общемъ собраніи акціонеровъ“,—впрочемъ безъ существенной пользы для дѣла.

Подробнѣе, нежели у автора „*Viribus unitis*“ изложена у автора „*Suum cuique*“ статья о *повѣрочной комиссіи*, при чемъ указано на ростъ, какой съ теченіемъ времени получило это учрежденіе (стр. 117—122).

Можно было предположить, что по самому ходу дѣла авторы вспомнятъ о положеніяхъ уголовныхъ кодексовъ, относящихся къ акціонернымъ предпріятіямъ;—этого, однако, не послѣдовало.

Оба автора останавливаютъ свое вниманіе на особенностяхъ русскаго законодательства, какъ типа „системы концессій“, дѣлаютъ оцѣнку этой системы съ точки зрѣнія „Проекта 1872 года объ измѣненіяхъ въ акціонерномъ законодательствѣ“,—высказываются за явочную систему и испытываютъ свои силы на уясненіи спорныхъ вопросовъ, какъ теоретическихъ, такъ и возникающихъ отъ неполноты Русскаго закона или изъятій изъ общихъ правилъ, допускаемыхъ уставами нѣкоторыхъ компаній.

Укажу, между прочимъ, на оцѣнку—съ юридической точки зрѣнія—факта подписки на акціи (*Viribus unitis* стр. 78, *Suum cuique* стр. 81—82), и на рѣшеніе вопроса—съ какого момента слѣдуетъ считать существующею Акціонерную Компанію на основаніи Русскаго закона (*Viribus unitis*, стр. 91, *Suum cuique* стр. 62—67).

Авторъ сочиненія „*Viribus unitis*“ возбуждаетъ вопросъ „объ юридической силѣ устава въ виду общаго закона“ (стр. 74—78);—того же вопроса касается и авторъ „*Suum cuique*“ (стр. 34 и стр. 151);—предъ ними сама собою открывалась перспектива особой работы,—именно: сравнительнаго сопоставленія съ „Общимъ закономъ“ наиболѣе отступающаго отъ него „Устава Акціонерной К^о“. Но такой работы въ Русской литературѣ до сихъ поръ не предпринималось еще никѣмъ, очень можетъ быть въ ожиданіи перемѣнъ самого положенія объ акціонерныхъ компаніяхъ.

Наконецъ, для освѣщенія многихъ вопросовъ оба автора пользовались сборникомъ Носенко (рѣшенія 4 Департамента и общихъ собраній Сената) и рѣшеніями гражданскаго кассационнаго Департамента.

Въ придаatokъ къ главному предмету темы находимъ у обоихъ авторовъ рядъ отдѣльныхъ очерковъ: 1) о положеніи въ Россіи иностранныхъ акціонерныхъ товариществъ (при чемъ у автора „*Viribus unitis*“ на стр. 155 встрѣчаемъ цѣнное напоминаніе о примѣчаніи къ

ст. 2139 X т. 1 ч.),—2) о товариществахъ съ переменнымъ капиталомъ; и 3) о товариществахъ на Вѣрѣ со вкладомъ, раздѣленнымъ на акціи.

Послѣдніе 2 очерка сдѣланы у обоихъ авторовъ на основаніи мнѣній общепринятыхъ, недостаточно впрочемъ провѣренныхъ фактами, а предпріятія акціонерныя смѣшаны съ такими, которыя не имѣютъ этого характера.

Внутреннія достоинства обоихъ сочиненій въ значительной степени перевѣшиваютъ указанные выше недостатки.

Это и позволяетъ мнѣ ходатайствовать предъ факультетомъ о награжденіи обоихъ авторовъ *золотыми медалями*.

Имѣя въ виду, что сочиненія, удостоенныя золотой медали, предполагаются къ напечатанію, считаю нужнымъ указать—*если факультетъ приметъ мое предложеніе*—на слѣдующія необходимыя измѣненія и дополненія въ обоихъ сочиненіяхъ:

1) Историческій очеркъ акціонерной предпримчивости долженъ быть исправленъ на основаніи 3-го изданія сочиненія Гольдшмидта (Handbuch des Handelsrechts) 1891 года.

2) Слѣдуетъ дать мѣсто статьямъ уголовныхъ кодексовъ, касающимся Акціонерныхъ Компаній.

3) Въ числѣ Акціонерныхъ Компаній съ переменнымъ капиталомъ необходимо дать мѣсто „Обществамъ съ ограниченной отвѣтственностью“, законъ о которыхъ принятъ былъ германскимъ рейхстагомъ 21 марта 1892 года.

4) Окончательная редакція при печатаніи должна быть тщательно просмотрѣна.

Заслуженный профессоръ *И. Соколовскій*.

30 декабря 1892 г.
Харьковъ.

Разборъ двухъ сочиненій, представленныхъ для соисканія преміи Заруднаго.

На предложенную въ прошломъ году профессоромъ гражданского права тему „О вліяніи сословнаго положенія лица на гражданскую правоспособность“ написано два сочиненія подъ девизами:

1) „Membra sumus corporis magni; natura nos cognatos edidit“; (Seneca).

2) „Напрасно пытаются иные представить дѣленіе гражданъ на сословія общечеловѣческой необходимостью, напрасно пытаются различіе правъ по состояніямъ свести къ человѣческой природѣ: она не знаетъ неравенства правъ, а представляетъ только неравенство людей по ихъ силамъ, способностямъ, понятіямъ,—неравенство, не имѣющее никакой логической связи съ неравенствомъ правъ по состояніямъ“ (Мейеръ).

Авторъ сочиненія № 1 предпосылаетъ своему труду введеніе, въ которомъ знакомитъ насъ съ общимъ планомъ, содержаніемъ своей работы, и кромѣ того дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о процессѣ образованія сословныхъ различій. „Человѣческая природа, говоритъ онъ, не знаетъ неравенства правъ по состояніямъ и мы должны искать источникъ сословнаго различія гражданъ въ другихъ факторахъ, главнымъ образомъ въ историческихъ условіяхъ развитія гражданскихъ обществъ. При этомъ мы находимъ, что въ основаніи сословнаго различія людей лежитъ прежде всего различіе занятій“. „Изучая бытъ народовъ въ періодъ ихъ младенческаго состоянія, мы видимъ, что имъ почти неизвѣстно еще строгое (?) раздѣленіе на общественныя группы, различающіяся по правамъ и обязанностямъ. Природа представляетъ здѣсь лишь различіе и неравенство людей по ихъ силамъ, способностямъ, понятіямъ (?) и другимъ природнымъ ихъ качествамъ, которыя и являются въ это время основаніемъ различія значенія и положенія каждаго. Постепенно съ развитіемъ общественной и экономической жизни, съ появленіемъ новыхъ основаній для спеціальнаго различія людей, народъ (?) дѣлится на классы по различію занятій, имущества, качества собственности, образованія и пр., при чемъ къ этимъ причинамъ присоединяется еще, какъ слѣдствіе войнъ, рабство. Въ этомъ раздѣленіи первоначально государственная регламентація совсѣмъ не участвуетъ, оно происходитъ на первыхъ порахъ совершенно естественнымъ путемъ (?) и при томъ принадлежность лица къ той или другой группѣ вполне зависитъ отъ его желанія (?) и личной энергіи, способностей, могущихъ доставить ему тѣ или другія необходимыя для того (?) условія“. „Эти чисто фактическія различія дѣлаются основаніемъ раздѣленія народа (?) на классы, являющіеся зародышами сословій. Сословія образуются тогда, когда государственная власть посредствомъ законодательства санкционируетъ это различіе отдѣльныхъ группъ населенія, признавая за каждой изъ нихъ извѣстныя обязанности и мѣру (?) правоспособности, передаваемые наслѣдственно и ставя извѣстныя преграды для перехода изъ одной группы въ другую. Такимъ образомъ, сословія, какъ группы подданныхъ, между которыми самъ законъ уста-

новилъ наслѣдственный преимущественно (?) различіа въ правахъ и обязанностяхъ, есть (?) явленіе, вырабатывающееся продолжительнымъ процессомъ исторіи подъ вліяніемъ массы разнородныхъ причинъ. Здѣсь играетъ главную роль политическій, экономическій, нравственный характеръ даннаго народа, при чемъ во вліяніи (?) на каждое сословіе и его правоспособность въ каждый данный моментъ его историческаго развитія имѣетъ преобладающее значеніе та или другая сторона характера народа, тѣ или другіе интересы и взгляды государственной власти. Поэтому и процессы образованія сословій въ связи съ ихъ различіемъ въ правахъ въ отдѣльныхъ государствахъ не одинаковы. Такъ въ Западной Европѣ государство ограничилось лишь санкціей уже раньше установившихся различій между привилегированными и непривилегированными классами, въ Россіи же сословія явились результатомъ государственной политики и сложились по волѣ государственной власти. Поэтому русскіа сословіа, будучи какъ и сословіа вообще во всѣхъ государствахъ учрежденіемъ государственнымъ, должны были болѣе, чѣмъ гдѣ либо, быть проникнутыми государственнымъ характеромъ“.

Выяснивъ процессъ образованія сословій, авторъ знакомитъ насъ въ общихъ чертахъ съ содержаніемъ своего труда. „Нашей задачей, говоритъ онъ, является изслѣдованіе вліянія сословнаго положенія лица на гражданскую правоспособность; слѣдовательно мы должны разсмотрѣть права гражданскія, ихъ ограниченія, преимущества и особенности для отдѣльныхъ сословій, являвшіяся въ различные моменты исторіи законодательства со времени образованія сословій подъ вліяніемъ многочисленныхъ причинъ, факторовъ того или другого характера, по необходимости имѣющихъ значеніе въ разсматриваемомъ нами процессѣ съ преобладаніемъ роли (?) извѣстныхъ (?) изъ этихъ причинъ и факторовъ въ каждый данный моментъ этого процесса. Въ историческомъ теченіи русскаго законодательства, которое подлежитъ нашему разсмотрѣнію, по занимающему насъ вопросу мы замѣчаемъ цѣлый рядъ моментовъ, въ которые вліяніе сословнаго положенія на гражданскую правоспособность лица проявлялось различно и въ зависимости отъ различныхъ причинъ. Не замѣтное въ началѣ исторіи различіе гражданскихъ правъ по классамъ общества съ теченіемъ времени постепенно возрастаетъ по мѣрѣ развитія и обособленія отдѣльныхъ классовъ и превращенія ихъ въ сословіа. Такой именно процессъ совершается въ эпоху московскую, когда образовались русскія сословіа съ особенностями каждаго въ гражданской правоспособности въ видѣ ограниченій ея или преимуществъ одного сословіа передъ другимъ; и вслѣдствіе преобладанія въ то время интересовъ государственныхъ, эти ограниченія и

преимущества запечатлѣны государственнымъ характеромъ и касаются большею частью тѣхъ видовъ гражданскихъ правъ, которые тѣсно связаны съ государственнымъ значеніемъ того или другого сословія. Въ первомъ столѣтіи новой императорской эпохи, т. е. въ XVIII ст., не смотря на паденіе (?) прежнихъ основаній, поддерживавшихъ и установившихъ вліяніе сословнаго положенія на правоспособность лица въ тѣхъ и иныхъ сферахъ гражданскихъ правоотношеній, эти ограниченія и преимущества все еще сохраняются уже въ видѣ привилегій отдѣльныхъ сословій, при стремленіи законодательства этого вѣка къ обособленію сословій. Только въ настоящемъ XIX в. законодательство сдѣлало большіе шаги въ дѣлѣ уравнинія правоспособности гражданъ всѣхъ сословій и уничтоженія ничѣмъ не оправдываемыхъ (?) сословныхъ привилегій, и хотя и въ настоящее время принадлежность лица къ извѣстному сословію въ государствѣ вліяетъ въ нѣкоторой степени на мѣру его гражданской правоспособности, но это вліяніе гораздо слабѣе (?) и находится въ зависимости главнымъ образомъ отъ причинъ экономическихъ, нравственныхъ, болѣе частнаго, чѣмъ государственнаго характера“.

Все сочиненіе распадается на двѣ части: Первая обнимаетъ московскую эпоху, вторая XVIII и XIX столѣтія. Какъ въ той, такъ и другой части авторъ довольно подробно и болѣе или менѣе удовлетворительно излагаетъ исторію и характерныя особенности четырехъ сословій. Къ сожалѣнію, авторъ почти нигдѣ не указываетъ, какими онъ пользовался источниками и пособіями при составленіи своего труда. Къ числу недостатковъ сочиненія слѣдуетъ отнести неточность терминологіи и неясность изложенія, что, между прочимъ, можно было усмотрѣть и изъ приведенныхъ нами выдержекъ.

Сочиненіе № 2 начинается съ краткаго предисловія, въ которомъ авторъ чистосердечно сознается, что въ его сочиненіи нѣтъ ничего его собственнаго. „Ничего такого, чего бы не встрѣчалось въ трудахъ тѣхъ изъ нашихъ ученыхъ, которые касались въ своихъ книгахъ избраннаго (имѣ) вопроса и сочиненія которыхъ онъ прочитывалъ какъ прилежный ученикъ“. Подробное знакомство съ сочиненіемъ однако убѣждаетъ насъ, что авторъ непосредственно изучалъ и нѣкоторые изъ источниковъ, что даетъ ему возможность вступать даже въ полемику съ нѣкоторыми изъ ученыхъ. Въ концѣ предисловія приложенъ списокъ источниковъ и пособій, которыми пользовался авторъ; изъ этого списка мы видимъ, что онъ знакомъ съ сочиненіями Неволіна, Мейера, Побѣдоносцева, Знаменскаго, Сергѣевича, Бѣляева, Романовича-Славянскаго, Владимірскаго-Буданова и нѣкот. др.

Послѣ предисловія слѣдуетъ введеніе, въ которомъ авторъ считаетъ нужнымъ прежде всего остановиться на выясненіи нѣсколькихъ предварительныхъ вопросовъ, отъ болѣе или менѣе удачнаго рѣшенія которыхъ въ значительной степени зависятъ объемъ сочиненія и даже самая правильность его построенія. Первый вопросъ, который ставится авторомъ, есть слѣдующій: что означаетъ терминъ „сословіе“?

„Въ наукѣ государственнаго права“, отвѣчаетъ авторъ, „этотъ вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которые имѣются отвѣты, не возбуждающіе никакихъ сомнѣній и возраженій. И въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ мнѣнія ученыхъ далеки отъ того, чтобъ отличаться полною солидарностью“. Опредѣленію понятія „сословіе“ Владимірскаго-Буданова и Романовича-Славятинскаго, авторъ противопоставляетъ опредѣленіе Градовскаго и Сергѣевича, считая это послѣднее опредѣленіе болѣе правильнымъ.

Второй вопросъ, который ставится авторомъ, касается времени возникновенія у насъ сословій. „Такъ какъ такое или иное опредѣленіе понятія „сословіе“, замѣчаетъ онъ, „имѣетъ важное вліяніе на опредѣленіе времени возникновенія сословій, то, само собою разумѣется, что по вопросу о времени возникновенія сословій въ наукѣ права намъ приходится считаться съ мнѣніями крайне между собою несогласными. Одно изъ нихъ, напр., утверждаетъ, что сословія возникли въ концѣ XVIII в.; другое считаетъ временемъ возникновенія сословій XVII вѣкъ“. По мнѣнію автора, четыре существующихъ нынѣ сословія не могли возникнуть одновременно и тѣмъ менѣе могли быть результатомъ одного какого нибудь законодательнаго акта, „проявившаго свою творческую дѣятельность и совершенно искусственно создавшаго дѣленіе общества на группы“. „Чтобъ невозможность этого (?) была вполне понятна“, продолжаетъ авторъ, „постараемся представить причины, оказавшія свое вліяніе на возникновеніе сословій и картину возникновенія этихъ послѣднихъ. Сословія возникали постепенно, какъ возникали постепенно всѣ болѣе или менѣе сложныя государственныя учрежденія, вырабатываемыя самою жизнью и санкціонируемыя законодателемъ въ видахъ достиженія государственныхъ цѣлей, въ видахъ улучшенія хода государственнаго организма. Главная причина возникновенія сословій коренится въ безусловной невозможности полнѣйшаго (?) равенства между людьми; а второстепенная—въ нуждахъ и потребностяхъ мало по малу развивавшейся государственной жизни, выдвигавшей на первый планъ свои собственныя цѣли и заинтересованной въ возможно правильномъ и быстромъ приведеніи ихъ въ исполненіе“. „Обыкновенно каждый общественный союзъ, по мѣрѣ своего роста и развитія постепенно

выдвигаетъ изъ числа своихъ членовъ активныхъ дѣятелей въ той или другой сферѣ; одинъ изъ этихъ членовъ занимается военной службой, другой—обрабатываетъ землю, третій—ремесленничаетъ, четвертый—торгуетъ. Уже и въ этихъ занятіяхъ заключается надежное основаніе для возникновенія неравенства среди людей. Мало по малу лица, посвятившія себя однообразнымъ занятіямъ, сближаются между собою, быть можетъ вслѣдствіе общности многихъ своихъ интересовъ, соединяются воедино и образуютъ изъ себя особые классы людей, не отличающіеся строгой организаціей, но заключающіе въ себѣ многія данныя для постепеннаго развитія этой послѣдней. Изъ такихъ то классовъ возникли сословія“.

„Русскіе князья довольно рано стали прилагать усилія къ тому, чтобъ точно и надежно распредѣлить отправление различныхъ обязанностей между членами разныхъ группъ своихъ подданныхъ. Уже въ XIV ст. княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ возбуждается вопросъ о правѣ отѣзда служилыхъ людей; въ XV ст. князь Иванъ Васильевичъ беретъ уже отъ служилыхъ людей обязательство о неотѣздѣ...“

Вотъ это измѣненіе характера службъ, ея обязательность—и есть первый моментъ въ образованіи служилого или дворянскаго сословія. Но окончательное возникновеніе (?) этого сословія относится только къ XVII в., такъ какъ до половины этого столѣтія поступленіе на службу государственную не принадлежало (?) какому-нибудь опредѣленному классу по происхожденію (?). Только указами 1632 и 1652 гг. запрещено набирать на службу лицъ изъ неслужилыхъ сословій, а въ 1675 приказано даже „верстать только сыновей дѣтей боярскихъ“. Со времени перваго указа 1632 г. мы имѣемъ уже дѣло съ образовавшимся служилымъ сословіемъ, такъ какъ, помимо обязанности его членовъ служить государству, явилась еще наслѣдственность этой обязанности и признаніе этой наслѣдственности со стороны государства“.

Въ XVII же столѣтіи образовались сословія сельское и городское; первое даже за нѣсколько лѣтъ раньше XVII ст., ибо нагляднымъ моментомъ образованія этого сословія является прикрѣпленіе крестьянъ, послѣдовавшее въ концѣ XVI в.“. Наконецъ, что касается духовнаго сословія, то возникновеніе его относится къ 1719 году. „Возникши, сословія не только закрѣпили тѣ неравенства, которыя существовали уже раньше, но вмѣстѣ съ тѣмъ явились одной изъ главныхъ причинъ того, что эти неравенства постепенно проникли въ законодательство, утвердились въ немъ и захватили не только область государственнаго права, но и также сферу права гражданскаго“.

Послѣ введенія, авторъ довольно подробно и обстоятельно излагаетъ сначала исторію избраннаго имъ предмета, а затѣмъ посвящаетъ

особую главу дѣйствующему законодательству. Въ концѣ сочиненія авторъ задается вопросомъ: насколько полезно существованіе сословныхъ различій въ сферѣ гражданского права?—и тутъ же отвѣчаетъ, что „особенности въ гражданской правоспособности лица, находящіяся въ зависимости отъ его принадлежности къ тому или другому сословію, должны быть признаны безусловно вредными для государства и потому нежелательными“.

Мы изложили содержаніе сочиненій №№ 1-й и 2-й. Сравнивая эти сочиненія, мы должны отдать преимущество сочиненію № 2-й. Авторъ его выказываетъ и болѣшую самостоятельность и болѣшую начитанность; кромѣ того сочиненіе № 2-й написано и болѣе яснымъ языкомъ. Принимая въ соображеніе все это, я просилъ бы факультетъ присудить премию Заруднаго сочиненію № 2-й.

И. Событіанскій.

7 января 1893 г.

Разборъ сочиненія „О консулахъ“ (Подъ эпитафомъ „Прошло время пословъ и возвратилось время консуловъ“ изъ Шатобріана).

Неизвѣстный авторъ сочиненія съ эпитафомъ изъ Шатобріана, признавая за консульскимъ институтомъ „особое, выдающееся значеніе“, справедливо усматриваетъ въ солидарности экономическихъ интересовъ между народами ту почву, на которой возросли и развились консульскія учрежденія; преобладающее же вліяніе экономическихъ факторовъ въ сферѣ международныхъ отношеній XIX вѣка объясняетъ, по мнѣнію автора, и возрастающее значеніе въ нашемъ столѣтіи консуловъ на ряду съ замѣтно упавшимъ значеніемъ дипломатическихъ агентовъ. Эту вѣрную точку зрѣнія неизвѣстный авторъ иллюстрируетъ въ сжатомъ и отчасти поверхностномъ очеркѣ вліянія разныхъ факторовъ на установленіе и укрѣпленіе связей, соединяющихъ народы (вліяніе религіи и церкви, нравственныхъ понятій и научныхъ свѣдѣній; см. стр. 2—15). Этотъ отдѣлъ (какъ бы введеніе) былъ бы и полнѣе и убѣдительнѣе по конечнымъ результатамъ, если бы авторъ коснулся теоріи международного правового общенія и прослѣдилъ характерныя проявленія начала правового общенія въ важнѣйшихъ международныхъ трактатахъ нашего вѣка: исторія, широкое развитіе и современная конструкція консульскихъ учреждений являются убѣдительными доказательствами и матеріаломъ—опорою для этого начала, на

которомъ въ настоящее время только и возможно научное построение международного права; опираясь на требованія начала международно-правового общенія, можно не только построить весь консульскій институтъ, но и выяснить, поставить на твердую почву необходимыя въ немъ реформы. Современная же литература (даже на одномъ русскомъ языкѣ) и въ частности нѣкоторые изъ сочиненій, которыми пользовался авторъ этой работы, давали ему и толчокъ и достаточный матеріалъ для выполненія этой части его труда. Нужно, однако, отдать справедливость автору: онъ понялъ и вполне уяснилъ себѣ нерасторжимую связь между факторомъ торговли въ ея всемірномъ значеніи (и вообще экономическими интересами народовъ) и консульскими учреждениями, ихъ прошлымъ и настоящимъ; онъ примыкаетъ ко взгляду Іеринга (Духъ римскаго права), глубоко вѣрному, если принять его въ ограничительномъ смыслѣ, т. е. по отношенію къ нѣкоторымъ институтамъ международного права (особенно консульскому учрежденію), именно, что „торговля—двигаящая сила не только дома для развитія частнаго права, но и для образованія международного права“, что она (торговля) или, вѣрнѣе, „обмѣнъ матеріальныхъ и духовныхъ богатствъ, не есть только дѣло интереса и свободной воли народовъ, но *есть право и обязанность*, сопротивленіе же исполненію этой обязанности есть возмущеніе противъ порядка природы, противъ заповѣди исторіи, почему *замкнутость народа—есть его смертный грѣхъ, такъ какъ высшій законъ исторіи—общеніе*“. Извѣстно, однако, что одностороннее пониманіе и строго логическое развитіе этой въ существѣ вѣрной мысли приводитъ нѣкоторыхъ писателей (нѣкоторыхъ экономистовъ и юристовъ Англіи, напр. Филлимора) къ превратному истолкованію существа международныхъ отношеній и задачъ общенія, которыя оказываются не мирнымъ сожитіемъ народовъ въ организованномъ порядкѣ, стремящимся къ осуществленію великой задачи—всесовершеннаго развитія челоѣка и всего челоѣчества, а сожитіемъ народовъ высшей культуры, воюющихъ и чинящихъ насиліе надъ народами дикими и полудикими, якобы для достиженія указанной возвышенной цѣли. Основа этого извращеннаго взгляда лежитъ въ ученіи Іеринга, служившемъ на столько же требованіямъ науки правовѣдѣнія, на сколько и гегемоническимъ стремленіямъ Германіи (не даромъ же въ юриспруденціи Іеринга мы встрѣчаемъ отождествленіе права и силы): Іерингъ оправдываетъ насильственное открытіе европейцами рѣкъ и гаваней Небесной Имперіи и принужденіе ея къ торговлѣ съ ними (см. Іерингъ. Духъ римскаго права I, 6). Понятно, что такой выводъ (конечная посылка изъ основъ ученія)—глубокое противорѣчіе съ существомъ понятія о торговлѣ

(обмѣнѣ), какъ о факторѣ *мирнаго* сближенія и слиянія народовъ на почвѣ общей для нихъ необходимости обмѣна и замѣны продуктовъ лишнихъ и недостающихъ имъ. Неизвѣстный авторъ разсматриваемаго сочиненія понимаетъ это; онъ не присоединяется къ этому выводу Терринга, а примыкаетъ, опираясь на постановленія Берлинской Африканской Конференціи, къ мнѣніямъ Кальво, Даневскаго и другихъ, которые „предоставляютъ сближающему *вліянію времени добровольное возникновеніе сношеній вообще* и въ частности торговыхъ между этими народами различныхъ культуръ“ и полагаютъ, что „въ этихъ сношеніяхъ торговля и теперь уже успѣла посѣять сѣмена, которыя не могли быть оплодотворены силами одного оружія“ (стр. 9 и 10). Въ заключеніе этого „введенія“ авторъ, имѣя въ виду уяснить громадное значеніе и сближающее вліяніе международной торговли въ переживаемое нами время, значеніе и вліяніе, весьма могущественно отражающіяся на консульскомъ учрежденіи, призванномъ главнымъ образомъ къ охранѣ всемірно-торговаго оборота, приводитъ, пользуясь изслѣдованіями Alf. de Fovilla (La France économique 1889) и Карла Шерцера (Der Wirthschaftliche Verkehr der Gegenwart 1891) статистику торговаго оборота (ввоза и вывоза) нѣкоторыхъ (важнѣйшихъ) державъ Европы.

Во второй главѣ (замѣтимъ кстати, что авторъ не даетъ дѣленія на главы, заканчивая отдѣлы безъ нумерацій и заглавій; я за него дѣлаю для ясности эти дѣленія) отъ стр. 15 до стр. 64—неизвѣстный авторъ излагаетъ исторію возникновенія и развитія консульскихъ учреждений, отдѣляя при томъ историческій очеркъ консульствъ на западѣ отъ исторіи ихъ на востокѣ. Такъ поступаютъ извѣстные изслѣдователи консульскихъ учреждений проф. Мартенсъ и Наумовъ, а также проф. Даневскій и другіе, вынуждаемые къ тому существенными различіями въ самихъ причинахъ и условіяхъ, вызвавшихъ и окружавшихъ учрежденіе консуловъ на западѣ и востокѣ и повліявшихъ на коренное же различіе въ современной организаціи, функціяхъ и въ самомъ характерѣ консуловъ востока и запада. Въ частности весьма своеобразную и интересную исторію ихъ на востокѣ, онъ, слѣдуя сочиненію проф. Ф. Мартенса (О консулахъ и консульской юрисдикціи на востокѣ), дѣлитъ на 3 періода (1-й отъ среднихъ вѣковъ до завоеванія Константинополя турками въ 1453 году; 2-й отъ 1453 г. до заключенія въ 1783 г. торговаго трактата между Турціей и Россіей—этотъ трактатъ есть „*eröschmend*“, и 3-й отъ 1783 г. до нашихъ дней). Было бы правильнѣе закончить этотъ періодъ 1875 годомъ, т. е. введеніемъ смѣшанныхъ судовъ въ Египтѣ, которые, какъ вѣрно понимаетъ это и авторъ разсматриваемаго сочиненія, призваны, по всѣмъ признакамъ,

къ тому, чтобы вытѣснить собою такъ называемыя капитуляціи, на которыхъ строились всѣ отношенія (и консульскія учрежденія) между Востокомъ и Европою въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, но которыя, въ сомнѣній, отжили свое время, скорѣе вредятъ сближенію между культурными и малокультурными народами. Эта глава есть плодъ старательнаго изученія и вѣрнаго изложенія сочиненій Наумова (нынѣ библиографическая рѣдкость), Ф. Мартенса, А. Стоянова, В. Даневскаго, Капустина, Кальво и нѣкоторыхъ другихъ. Отметимъ здѣсь (стр. 18 и 19) неточный переводъ съ латинскаго текста Вестготскаго законодательства VIII вѣка (въ переводѣ самая сѣть унущена).

Глава III-я (стр. 65—94) посвящена выясненію и опредѣленію понятія о консулѣ и характера этого важнаго учрежденія. Здѣсь авторъ, разбираясь во множествѣ мнѣній о характерѣ этого учрежденія (замѣчу кстати, авторъ излагаетъ ихъ слишкомъ подробно и казуистично, не принципиально; между тѣмъ эти мнѣнія можно свести къ 3 группамъ), *очень хорошо анализируетъ ихъ по существу*; приемы анализа вѣрны, почему онъ съ текстомъ законодательства и рѣшеній судовъ (напр. французскаго законодательства и рѣшеній англійскаго суда) въ рукахъ приходитъ къ вѣрному заключенію, къ тому, что консулы—*правительственные агенты, но безъ представительнаго характера* (чѣмъ они отличаются отъ дипломатическихъ агентовъ), что они—*органы социальныя интересовъ между народами*, а главное значеніе ихъ—*охрана торговыхъ интересовъ* своего отечества (см. стр. 92, 93, также 86—91). Въ этой главѣ онъ пользуется тѣми же пособіями, что и въ предыдущей плюсъ сочиненіями Геффтера, Блунчли, курсами проф. Ф. Мартенса и Капустина; онъ пользуется и здѣсь и въ слѣдующей главѣ и русскимъ консульскимъ уставомъ. Вѣрны (см. стр. 110—111) его указанія на промахи нашего консульскаго устава.

Въ главѣ IV и послѣдней (отъ стр. 94 до стр. 196) нашъ авторъ излагаетъ очень подробно, ясно и толково содержаніе (существо), консульскихъ учреждений; именно—вопросы о назначеніи консула, объ ехequatur, права и обязанности ихъ, функціи ихъ; при чемъ эти вопросы ставятся и рѣшаются отдѣльно относительно консуловъ на Западѣ и на Востокѣ, отличающихся *главнымъ образомъ* тѣмъ, что первые почти лишены судебныхъ функцій (въ области спорной юрисдикціи—вполнѣ, кромѣ права быть третейскимъ судьей, въ области же охранительнаго судопроизводства и нотаріальной части права ихъ очень ограничены), вторые же (на Востокѣ) являются тамъ не только консулами—чиновниками, агентами правительства, охраняющими социальныя интересы, особенно же интересы торговли и мореплаванія, но и

судьями въ дѣлахъ спорной юрисдикціи по гражданскимъ, торговымъ и даже уголовнымъ дѣламъ, почему консулы на Востокѣ имѣютъ свою судебную организацію.

Авторъ обстоятельно разсматриваетъ французскую, англійскую и русскую систему организаціи консульскихъ судовъ, отдавая (вслѣдъ за проф. Стояновымъ, Ф. Мартенсомъ и В. Даневскимъ) предпочтеніе англійской организаціи за ея единство, коллегіальность, введеніе суда присяжныхъ и близость высшей инстанціи къ низшимъ. Къ сожалѣнію, авторъ, слѣдуя во всемъ указаннымъ писателямъ, упустилъ изъ виду ихъ указанія на другую особенность въ функціяхъ и характерѣ консуловъ на Востокѣ — на представительный (государственный) характеръ ихъ на Востокѣ, приближающій ихъ къ дипломатическимъ агентамъ, что объясняется и оправдывается вполне тѣми же соображеніями, которые приводятся этими писателями (и самимъ авторомъ) въ пользу юрисдикціи консуловъ на Востокѣ по дѣламъ гражданскимъ, торговымъ и уголовнымъ.

Безспорно выдающаяся часть этой главы выражается въ попыткѣ автора указать на дурныя стороны современной консульской юрисдикціи. Въ настоящее время, какъ извѣстно, поднять серьезно вопросъ о непригодности консульскихъ судовъ вообще и о замѣнѣ ихъ смѣшанными судами; изложенію ученія о послѣднихъ по египетскому образцу нашъ авторъ удѣляетъ конецъ этой главы, присоединяясь въ конечномъ итогѣ ко мнѣнію объ ихъ недостаткахъ, объ ихъ будущемъ и необходимыхъ реформахъ въ нихъ, высказанному графомъ Комаровскимъ въ его сочиненіи „О международномъ судѣ“. Въмѣстѣ съ тѣмъ неизвѣстный авторъ (стр. 158—164) *усматриваетъ въ соединеніи исполнительной (административной) власти съ властью судебною — главный (принципіальный) недостатокъ, существующій въ консульской юрисдикціи на Востокѣ.* Приводя (стр. 158—159) мотивы къ нашему Уставу гражданскаго судопроизводства и мотивы изъ объяснительной записки къ нему графа Блудова, столь мѣтко и характерно рисующіе принципіальную невѣрность и практическую опасность соединенія въ одномъ лицѣ (и въ одномъ учрежденіи) властей административной и судебной, нашъ авторъ весьма вѣрно указываетъ на то, что *консулы на Востокѣ — отправители правосудія и вмѣстѣ съ тѣмъ административные чиновники* (стр. 160), надѣленные при томъ (въ русскомъ консульскомъ уставѣ) и дискреціонной властью и зависимые отъ высшихъ дипломатическихъ чиновъ. Отсюда и неурядицы консульской юрисдикціи: имѣя въ своихъ рукахъ полицейскую власть и власть судебного слѣдователя, консулы привлекаютъ обвиняемаго къ тому суду, въ которомъ сами же отправляютъ право-

судіе; налагаая на виновнаго наказаніе, консулы сами приводятъ приговоръ въ исполненіе. Вотъ почему, не нарушая капитуляцій, слѣдовало бы, по мнѣнію автора, *передать чисто-судебныя функціи спеціальнымъ „консуламъ-судьямъ“* (на подобіе consuls-juges при французскомъ консульскомъ судѣ въ Александріи) независимымъ; для смѣшанныхъ же процессовъ составлять особыя смѣшанныя комиссіи изъ такихъ же судей-консуловъ. Тогда возможно будетъ получить „независимость судебной власти, отдѣленіе ея отъ администраціи и компетентность ея въ юридическихъ вопросахъ“. Для такой компетентности нужно еще солидное образованіе консуловъ и опредѣленіе продолжительнаго стажа, который авторъ и рекомендуетъ по французскому образцу (еще 1776 года). Эти мысли автора *довольно оригинальны*; раньше мы встрѣчали лишь *намекы* (у писателей) на такую постановку дѣла реформы консульскихъ учреждений. Мысль правильно поставленная авторомъ, дѣльная по существу.

Принимая во вниманіе основательное ознакомленіе автора съ русской (и нѣкоторыми сочиненіями иностранной) литературы, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, ясное, толковое изложеніе его, *вѣрное* пониманіе своей задачи, попытки къ самостоятельности (иногда очень удачныя), умѣніе ориентироваться въ разнообразіи мнѣній, я полагаю бы, что неизвѣстный авторъ *вполнѣ заслуживаетъ награжденія премією покойнаго Д. И. Каченовскаго*.

Профессоръ В. П. Даневскій.

17 декабря 1892 года.
Харьковъ.

Въ Медицинскій Факультетъ.

РЕЦЕНЗІЯ

на сочиненія, представленныя на соисканіе золотой медали.

1. Сочиненіе съ девизомъ „Feci quod potui“ etc.

Внѣшняя сторона этого труда недостаточно обработана, замѣчается несистематичность, мѣстами и неравномѣрность: въ изложеніи, напри-
мѣръ, методики есть не мало лишняго, напротивъ, описаніе опытовъ сжато до лаконичности и кое гдѣ даже неясности. Въ отдѣлѣ литературы по вопросу о вліяніи механизма кровообращенія и мышечной дѣятельности на содержаніе гемоглобина и кровяныхъ тѣлецъ въ крови, составляющему заданную факультетомъ тему, существуютъ большіе пробѣлы.

Вообще въ сочиненіи видна нѣкоторая поспѣшность и недостаточная разработка не только литературной, но и экспериментальной частей, именно о дѣйствіи нѣкоторыхъ ядовъ.

Рядомъ съ этими недостатками однако нужно указать и на несомнѣнные достоинства работы; въ особенности отлично разработанъ вопросъ о вліяніи мускульной работы на составъ крови. Авторъ производилъ наблюденія не только надъ животными, но и надъ самимъ собою и паралитиками-больными и получилъ интересныя данныя. Кромѣ того необходимо упомянуть, что вообще опыты автора требовали массы труда и времени; достаточно напр. указать, что какъ видно изъ протоколовъ ихъ, они начинались съ 7—8 часовъ утра и нерѣдко непрерывно продолжались до поздняго вечера. Далѣе авторъ обнаруживаетъ чрезвычайную добросовѣстность и тщательность работы особенно въ методологической части, въ старательномъ изученіи предѣловъ погрѣшности способовъ изслѣдованія и самихъ аппаратовъ.

Въ виду вышеуказаннаго я считаю экспериментальную часть работы заслуживающею высшей награды, не смотря на нѣкоторую отрывочность и неполноту ея. Что-же касается до литературной стороны сочиненія, то она оказывается менѣе цѣнною.

2. Второе сочиненіе на ту-же тему съ девизомъ *„умъ хорошо, а два лучше“* представляетъ собою прекрасную работу, чрезвычайно старательно и умѣло изложенную. Она состоитъ изъ 7 главъ, изъ которыхъ пять посвящены экспериментальной разработкѣ темы съ различныхъ точекъ зрѣнія. Вслѣдствіе этого автору пришлось для рѣшенія задачи примѣнять разнообразныя методы, а вмѣстѣ съ этимъ и знакомиться съ литературой по разнымъ вопросамъ физиологіи. Литературная сторона сочиненія представляетъ достоинства, рѣдко встрѣчаемыя въ студенческихъ работахъ: множество ссылокъ, цитатъ очевидно указываютъ на полное знакомство автора съ литературой затрогиваемыхъ вопросовъ, и именно по оригиналамъ. Такое тщательное изученіе литературы дало возможность автору вполне правильно оріентироваться и въ экспериментальномъ отдѣлѣ, который точно также свидѣтельствуетъ о вполне умѣломъ и добросовѣстномъ выполненіи задачи и съ этой стороны. Огромный фактическій матеріалъ былъ собранъ и систематизированъ лишь благодаря большой затратѣ труда и времени. Излагая свои опыты, авторъ вполне добросовѣстно приводитъ и тѣ числовыя данныя, которыя нѣсколько противорѣчатъ другимъ, стало быть, безъ выбора, предоставляя читателю самому судить о значеніи ихъ для выводовъ. Впрочемъ, такихъ случаевъ очень мало; огромное большинство числовыхъ данныхъ свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ вполне овладѣлъ методами изслѣдованія и сѣумѣлъ,

благодаря знанію дѣла и добросовѣстному труду, получить интересныя результаты.

Въ виду такихъ выдающихся заслугъ сочиненія я считаю автора его достойнымъ высшей награды. Въмѣстѣ съ тѣмъ считаю же долгомъ рекомендовать факультету эту работу для напечатанія.

Проф. В. Данилевскій.

10 января 1893 г.

РЕЦЕНЗІЯ

на сочиненіе неизвѣстнаго автора, представленное имъ въ медицинскій факультетъ на полученіе золотой медали, на тему „Содержанія соляной кислоты и состояніе пищеварительной способности желудочнаго сока при различныхъ заболѣваніяхъ“ подъ девизомъ *Feci quod potui*.

Все сочиненіе неизвѣстнаго автора распадается на три части. Въ первой онъ приводитъ подробно и обстоятельно литературу, относящуюся до желудочнаго пищеваренія вообще, о значеніи его въ здоровомъ и больномъ состояніи человѣка, литературу о значеніи СІН, при такъ называемыхъ заразныхъ болѣзняхъ, гдѣ она представляетъ собою могучаго обеззараживающаго дѣятеля. Затѣмъ онъ переходитъ къ вопросу о выдѣленіи желудочнаго сока и зависимости его отъ нервной системы, приводитъ доказательства въ пользу этого, взятыхъ изъ наблюденій повседневной жизни, аналогіи съ секреціею другихъ железъ, какъ напр. слюнныхъ, изъ опытовъ надъ животными и, наконецъ, надъ людьми, и всѣ приведенныя авторомъ соображенія устанавливаютъ фактъ отдѣленія желудочнаго сока, какъ актъ рефлекторный, идущій со стороны глотки, къ головному мозгу, а оттуда къ желудку путемъ блуждающихъ нервовъ. Установивши, такимъ образомъ, на основаніи литературныхъ данныхъ, взглядъ современной фізіологіи на актъ выдѣленія желудочнаго сока и желудочнаго пищеваренія, зависимость послѣдняго отъ нервной системы и въ частности отъ блуждающаго нерва, авторъ говоритъ, что онъ остановился въ своихъ наблюденіяхъ надъ содержаніемъ СІН и состояніемъ пищеварительной способности желудочнаго сока у больныхъ съ такъ называемыми нервными болѣзнями, будутъ ли эти заболѣванія только функціональными или связанныя съ анатомическими измѣненіями центральной или периферической нервной системы. На этомъ отдѣлѣ болѣзней авторъ остановился, потому что наблюденій надъ желудочнымъ сокомъ и его пищеварительной способностью въ

литературѣ мало; надъ нѣкоторыми формами такихъ наблюденій совсѣмъ нѣтъ, между тѣмъ такого рода наблюденія общають большой интересъ въ смыслѣ научномъ, какъ подтвержденія установившагося взгляда на секретію желудочнаго сока, въ смыслѣ клиники; какъ средство для пониманія и объясненія многихъ клиническихъ симптомовъ при первичныхъ заболѣваніяхъ вообще, въ частности со стороны желудка какъ напр. *Gastralgia*, *crise gastrici* и т. д.

Во второй части авторъ описываетъ способы полученія желудочнаго сока въ ихъ исторической послѣдовательности, доходя до употребляемыхъ въ настоящее время. Между ними авторъ говоритъ о способѣ добыванія сока при помощи мягкаго желудочнаго зонда, при чемъ употребляется и высасываніе, которымъ пользовался и самъ онъ, а равно и тѣхъ способахъ, которые употребляются различными изслѣдователями для возбужденія отдѣленія желудочнаго сока, какъ напр. пробный обѣдъ, пробный завтракъ и т. д. Авторъ при своихъ изслѣдованіяхъ всегда употреблялъ пробный завтракъ *Ewald'a* и приводитъ соображенія, говорящія въ пользу именно этого способа. Добытый указаннымъ способомъ желудочный сокъ авторъ подвергаетъ изслѣдованіямъ: 1) макроскопическому, 2) микроскопическому, 3) химическому, которое состояло: а) въ опредѣленіи реакціи желудочнаго сока, б) общей его кислотности, с) качественного опредѣленія ClH , d) молочной кислоты, е) изслѣдованія на синтонинъ, пропентоны, пептоны, ф) изслѣдованіе переваривающей способности желудочнаго сока, g) сычужнаго бродила, h) количественное опредѣленіе ClH и, наконецъ, m) опредѣленіе всасывающей и двигательной способности желудка. Подробное описаніе существующихъ методовъ изслѣдованія, сравнительная оцѣнка ихъ достоинствъ и недостатковъ и, наконецъ, указаніе методовъ, которыми пользовался авторъ.

Въ III главѣ авторъ излагаетъ собственныя наблюденія и изслѣдованія по плану, указанному имъ во II главѣ, и методамъ, изложеннымъ имъ тамъ же.

Всѣхъ больныхъ, бывшихъ подъ наблюденіемъ автора, желудочный сокъ которыхъ онъ изслѣдовалъ, было 18. По роду заболѣванія они распредѣлялись такъ: истерія 5 человѣкъ. *Tabes dorsalis* 3. *Tumor cerebri* 1. *Polioencephalitis inter.* 1. *Periencephalitis* 1. *Sclerosis disseminata* 1. *Gastralg.* 1. *Morbus Basedowii.* 1. *Intoxicat. Saturnina-alcoholica* 1. *Leptomeningitis spinalis chronica et myelitis* 1. *Myelitis lumbalis chronica* 1. *Lues cerebri et hemiplegia* 2.

Результаты изслѣдованія желудочнаго сока при сказанныхъ заболѣваніяхъ изложены авторомъ въ таблицахъ, приложенныхъ къ концу работы.

Разсматривая работу неизвѣстнаго автора, нужно придти къ заключенію, что онъ вполне овладѣлъ предметомъ своей работы. Онъ вполне изучилъ литературу желудочнаго пищеваренія и не только русскую, но и иностранную и не по рефератамъ, а по оригинальнымъ работамъ, въ особенности достойнѣ похвалы отдѣлу автора, гдѣ онъ говоритъ объ иннервации желудочнаго сока, — литература собрана и изложена имъ мастерски. Говоря о методахъ изслѣдованія сока, авторъ не ограничивается голымъ перечнемъ ихъ, но излагаетъ ихъ содержаніе, указываетъ ихъ достоинства и недостатки, слѣдовательно относится до извѣстной степени критически и останавливается на наилучшихъ и ими пользуется. Результаты, добытые авторомъ, чрезвычайно новы, какъ напримѣръ увеличеніе содержанія СІН въ сокѣ истеричныхъ, на что указаній въ литературѣ не имѣется; частію составляютъ подтвержденія изслѣдованій другихъ авторовъ надъ содержаніемъ СІН въ желудочномъ сокѣ и въ особенности цѣнны его результаты изслѣдованія надъ больнымъ, гдѣ прямо видна зависимость отдѣленія желудочнаго сока отъ пораженія дна 4-го желудка, въ случаѣ опухоли дна послѣдняго, подтвержденнаго вскрытіемъ и зависимость выдѣленія сока отъ пораженія Nn. vagorum. Съ точки зрѣнія клиники его изслѣдованія имѣютъ интересъ для пониманія причинъ появленія *crise gastrique* у табетиковъ. Наконецъ, не лишены практическаго интереса наблюденія автора надъ пепсиномъ, который въ большинствѣ случаевъ задерживаетъ пищевареніе, а не помогаетъ ему. Въ виду сказаннаго я считаю правильнымъ наградить автора высшею преміей, т. е. золотою медалью. Есть у автора недостатки, но они не такъ значительны, чтобы могли составить достаточное основаніе къ уменьшенію преміи.

РЕЦЕНЗІЯ

на сочиненіе неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ „Содержаніе соляной кислоты и состояніе пищеварительной способности желудочнаго сока при различныхъ заболѣваніяхъ желудка“ подъ девизомъ *Ach Gott! Die Kunst ist lang und kurz ist unser Leben* и т. д. и представленное въ медицинскій факультетъ для соисканія преміи.

Авторъ поданнаго сочиненія послѣ краткаго историческаго изложенія ученія о желудочномъ сокѣ и его главныхъ составныхъ частей соляной кислоты и пепсина въ концѣ этого обзора ставитъ своею за-

дачею: изложеніе ученія о нормальномъ желудочномъ пищевареніи, способахъ добыванія желудочнаго сока, измѣненіе желудочнаго сока при различныхъ состояніяхъ здороваго желудка и введеніе въ него различныхъ веществъ, измѣненіе желудочнаго сока при различныхъ заболѣваніяхъ организма и наконецъ измѣненія его при различныхъ заболѣваніяхъ желудка, что и составляетъ главную самостоятельную часть работы неизвѣстнаго автора. Первые отдѣлы своей работы авторъ посвящаетъ литературѣ желудочнаго сока, его составныхъ частей, постепенному и послѣдовательному ходу развитія способовъ добыванія желудочнаго сока, опредѣленію его составныхъ частей качественному и количественному и наконецъ указываетъ настоящее современное состояніе интересующаго его вопроса; послѣ чего и переходитъ уже къ послѣдней, собственной части. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію своихъ изслѣдованій, авторъ далъ себѣ трудъ провѣрить достоинство различныхъ способовъ опредѣленія свободной соляной кислоты качественно, а равно и способовъ опредѣленія соляной кислоты количественно. Для этого имъ приготовлялись искусственно смѣси съ опредѣленнымъ содержаніемъ ClH , изъ коихъ въ однѣхъ онъ открываетъ только присутствіе ClH предложенными въ настоящее время способами, а въ другихъ количественно ClH . Изъ этихъ предварительныхъ изслѣдованій авторъ пришелъ къ выводамъ, что для качественного опредѣленія свободной соляной кислоты по его опытамъ наилучшими оказались слѣдующіе: реактивъ Günzburg, тропеолиновая бумага и конго; другіе же менѣе надежны, какъ напримѣръ резорциновая бумага и метиль-віолетъ; первый по своей меньшей чувствительности, а второй потому, что краснѣетъ тамъ, гдѣ нѣтъ свободной соляной кислоты. Изъ способовъ для количественнаго опредѣленія ClH авторъ пользовался способами Минца, Bourget, Winter-Hayem'a и наконецъ Lüttke. Изъ всѣхъ способовъ опредѣленія количества ClH болѣе близкія и болѣе постоянныя цифры авторъ получалъ при примѣненіи способа Lüttke. Предпославши эти предварительныя изслѣдованія, авторъ переходитъ къ своимъ собственнымъ надъ больными, которыхъ и раздѣляетъ на двѣ группы. Въ одной онъ опредѣляетъ только качественно ClH , въ другой количественно. Кромѣ того у всѣхъ больныхъ опредѣлялась всасывающая способность желудка, двигательная и пищеварительная съ главными своими продуктами acidi albumin , пропентономъ, пентономъ. Опредѣлялась молочная кислота и сычужный ферментъ. Пищеварительная способность опредѣлялась съ чистымъ желудочнымъ сокомъ, съ желудочнымъ сокомъ+ ClH , желудочный сокъ+пепсинъ; желудочный сокъ+ ClH +пепсинъ. Къ первой группѣ принадлежитъ 16 боль-

ныхъ съ заболѣваніемъ желудка, ко второй 14 тоже съ различными измѣненіями его. Приложенныя къ работѣ таблицы ясно иллюстрируютъ всѣ манипуляціи и приемы, которые употреблялъ авторъ при своихъ изслѣдованіяхъ; а равно и результаты этихъ изслѣдованій. Въ концѣ работы помѣщены и выводы автора, сдѣланные имъ на основаніи своихъ изслѣдованій и данныхъ литературы.

Разсматривая такимъ образомъ работу автора подъ указаннымъ девизомъ, содержаніе которой извѣстно всѣмъ гг. членамъ факультета, нужно заключить, что неизвѣстный авторъ выполнилъ добросовѣстно отнесенныя къ своей задачѣ. Онъ обстоятельно изучилъ физиологію желудочнаго пищеваренія; подробно ознакомился съ литературою этого вопроса, какъ русскою, такъ и иностранною, при чемъ видно, что онъ пользовался не одними рефератами, а читалъ и оригиналы. Усвоилъ себѣ обстоятельно способы добыванія желудочнаго сока и способы опредѣленія СН, какъ качественно, такъ и количественно, равно опредѣленія пищеварительной способности его и т. д. Все это, взятое вмѣстѣ, требуетъ несомнѣнно большого труда и времени. Собственные изслѣдованія автора отличаются точностію, аккуратностію въ выполненіи работы и изложеніи ея. Наконецъ и выводы автора, сдѣланные имъ изъ своихъ изслѣдованій, представляютъ интересъ съ одной стороны потому, что они вносятъ собою матеріалъ, увеличивающій сумму фактовъ для рѣшенія существующаго несогласія многихъ авторовъ о содержаніи СН при нѣкоторыхъ болѣзняхъ желудка; а во вторыхъ нѣкоторые изъ нихъ важны въ практическомъ отношеніи, какъ напримѣръ: прибавленіе пепсина къ желудочному соку почти во всѣхъ случаяхъ задерживаетъ искусственное желудочное пищевареніе.

Есть и недостатки въ работѣ неизвѣстнаго автора, но они не такъ значительны, чтобы могли служить помѣхой для полученія авторомъ разбираемаго сочиненія одной изъ высшихъ наградъ.

Профессоръ И. Оболенскій.

Въ Медицинскій Факультетъ Императорскаго Харьковскаго университета

Профессора П. И. Ковалевскаго

РАПОРТЪ.

Сочиненіе, поданное подъ девизомъ: „Не судите, да не судимы будете“, подъ заглавіемъ „Изслѣдованія психофизической реакціи на тактильныя и болевыя раздраженія у здоровыхъ и нервно и душевно больныхъ

людей“, состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Во введеніи авторъ даетъ краткій очеркъ различія направленія и изученія явленій примитивной психической жизни у философовъ и натуралистовъ, — въ первой части онъ излагаетъ фізіологическія данныя относительно болевого и тактильнаго чувства и во второй части излагаетъ данныя своихъ изслѣдованій въ области психометріи тактильнаго и болевого чувства у нервно-здоровыхъ и нервно-и душевно-больныхъ людей.

Въ первой части своей работы авторъ указываетъ на недостаточность и безпочвенность философскихъ изслѣдованій въ области душевной дѣятельности. Отдавая должную дань уму философовъ, ихъ геніальнымъ обобщеніямъ, ихъ остроумію и находчивости, авторъ однако приходитъ къ тому выводу, что единственный правильный и точный путь и методъ изслѣдованія душевной дѣятельности человѣка есть фізіологическій; онъ является наиболѣе точнымъ и незыблемымъ и предъ нимъ рушатся всѣ философскія системы, основанныя на умозрительныхъ способахъ изслѣдованія. Въ упрекъ метафизической психологіи авторъ ставитъ и то обстоятельство, что она дала массу терминовъ, зачастую ничего неопредѣляющихъ и вносящихъ только лишь спутанность въ представленіяхъ о дѣйствительности.

Рядомъ съ этимъ авторъ, желая въ будущемъ изложеніи быть понятнымъ, представляетъ опредѣленіе тѣхъ терминовъ, которыхъ онъ будетъ держаться при изложеніи своихъ изслѣдованій. Въ основу своихъ опредѣленій онъ кладетъ ученіе Меунерта и другихъ изслѣдователей. Въ этомъ случаѣ авторъ старается прослѣдить возникновеніе и развитіе однихъ психическихъ процессовъ, болѣе сложныхъ, изъ другихъ — простѣйшихъ, при чемъ онъ стремится также приурочить ихъ къ тому или другому отдѣлу нервной системы и локализовать ихъ въ той или другой части ея. Каждому понятно, какъ трудно разобраться въ этомъ отдѣлѣ ученія центральной нервной системы, въ виду ея неразработанности и трудности пониманія по существу; поэтому весьма естественно, что и неизвѣстный авторъ при изложеніи этого отдѣла является не всегда точнымъ и опредѣленнымъ. Собственно говоря, весь этотъ отдѣлъ работы, занимая 24 стран., мало имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу. Психическій процессъ появленія его у автора я объясняю такъ: взявшись за исполненіе заданной темы изученія психофизической реакціи, авторъ не захотѣлъ ограничиться простымъ механическимъ исполненіемъ заданнаго урока, а вздумалъ дать себѣ ясное и отчетливое представленіе обо всемъ томъ, что служить его основой. Для этого онъ набросился на изученіе фізіологін, — отсюда на изученіе фізіологической психологіи, отсюда на изученіе психологіи и философіи (Канта, Миля, Спенсера,

и т. д.). Все это онъ перечиталъ, все это онъ усвоилъ, все это для него составляло новый, весьма интересный и увлекательный міръ, охватившій все его существо и давшій большой матеріалъ его молодому пыливому и критическому уму. И вотъ подъ впечатлѣніемъ всей этой работы, данная глава его сочиненія представлялась въ его глазахъ чѣмъ-то необыкновенно важнымъ и интереснымъ, — во всякомъ же случаѣ неотъемлемою основою его изслѣдованій и сочиненія. Всѣ эти выводы автора совершенно вѣрны, но онъ упустилъ изъ виду только одно, что всѣ вышеозначенныя данныя представляются уже извѣстными каждому образованному врачу и что для изученія предполагается только одна частичка этого обширѣйшаго вопроса. Во всякомъ случаѣ, если этотъ отдѣлъ нѣсколько и излишенъ, тѣмъ не менѣе онъ показываетъ, что авторъ читалъ очень многое, читалъ его сознательно, относился къ нему критически и въ основу своей критики ставилъ данныя точной науки и съ этой точки зрѣнія старался дать соображенія своего молодого ума.

Первую часть работы авторъ посвящаетъ изслѣдованію фізіологическихкихъ данныхъ о тактильномъ и болевомъ чувствѣ въ отдѣльности. Оба эти чувства относятся къ общему чувству „осязанія“, при чемъ авторъ, пользуясь изслѣдованіями Вебера, Функе, Фирордта и Мейснера, старается выдѣлить изъ этого общаго понятія „чувства осязанія“ тотъ его видъ, который можетъ быть признанъ какъ прикосновеніе или обязательное ощущеніе въ простѣйшемъ его видѣ, ибо авторъ занимался изслѣдованіемъ психофизической реакціи именно этого отдѣла чувства осязанія. Далѣе авторъ излагаетъ условія, требуемыя фізіологіей для точнаго изслѣдованія этого ощущенія, а также законы Вебера и Фехнера относительно чувства давленія, — ученіе Фехнера „о порогѣ раздраженія“, — наконецъ излагаетъ анатомическія основы для проявленія чувства осязанія. Во всемъ этомъ изложеніи авторъ не является только лишь передатчикомъ дифактическаго ученія по учебникамъ фізіологій или хотя бы даже и подлинныхъ сочиненій по данному вопросу Функе, Фирордта, Мейснера и др., но вмѣстѣ съ симъ онъ пытается разсмотрѣть тѣ или другія данныя и съ критической точки зрѣнія, на основаніи противныхъ научныхъ данныхъ. Такъ напр., при разсмотрѣніи закона Фехнера онъ пользуется ученіемъ Функе, Германа и Бернштейна, при чемъ дѣлаетъ попытки и мыслить самостоятельно. Разумѣется каждый изъ насъ пойметъ, что эти самостоятельныя попытки отражаютъ въ себѣ то или другое мнѣніе прочитаннаго; но иного хода разсужденій невозможно и ожидать у студента, пока руководствующагося въ своихъ сужденіяхъ сочиненіями ученыхъ, а не собственнымъ опытомъ и не соб-

ственной практикой, по самому положенію дѣла ему невозможными. — Въ слѣдующихъ двухъ отдѣлахъ авторъ излагаетъ фізіологическое ученіе о болевомъ ощущеніи и ученіе объ анатомическихъ путяхъ ихъ проводимости. Изложено все это ясно и толково съ знакомствомъ съ ученіемъ по симъ пунктамъ проф. Данилевскаго, Schoffa и проч.

За симъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію психофізической реакціи. Подъ именемъ „психофізической“ реакціи понимается промежутокъ времени, протекающій между моментомъ внѣшняго раздраженія органа чувствъ и моментомъ совершенія изслѣдуемымъ лицомъ отвѣтнаго сознательнаго движенія. Терминъ этотъ установленъ Ехнеромъ, хотя самое явленіе было извѣстно гораздо раньше и установлено астрономами. При изученіи психофізической реакціи встрѣчается нѣсколько сторонъ и моментовъ для изученія, такъ реакція на время различенія, — реакція на выборъ, — продуктивная реакція и т. д. Авторъ останавливается на изученіи „простой реакціи“, такъ какъ это и составляетъ его главную задачу. Авторъ различаетъ слѣдующіе моменты въ простой психофізической реакціи: 1, время для проведенія внѣшняго раздраженія отъ периферіи органа чувства до субкортикальнаго центра сего органа (перцепція или образованіе ощущенія), 2, время для проведенія отъ субкортикальнаго центра къ корковому центру (образованіе представленія, аперцепція), 3, время ассоціаціи чувствительнаго представленія съ соотвѣственнымъ двигательнымъ представленіемъ, 4, время прохожденія волевого импульса отъ корковаго центра къ субкортикальнымъ двигательнымъ узламъ, — 5, время для прохожденія импульса отъ субкортикальныхъ центровъ до иннервируемыхъ мускуловъ и 6, время сокращенія ихъ — скрытый періодъ раздраженія ихъ. Засимъ авторъ разсматриваетъ значеніе каждаго изъ этихъ членовъ реакціи, условія ихъ большей или меньшей длительности, и устанавливаетъ свои отношенія къ нимъ. Насколько моменты проводимости импульса отъ периферіи къ субкортикальнымъ центрамъ и обратно играютъ важную роль при чисто нервныхъ заболѣваніяхъ, настолько моменты аперцепціи, ассоціаціи и передачи волевого импульса играютъ роль при душевныхъ заболѣваніяхъ. При изслѣдованіи психофізической реакціи главную задачу составляетъ точное опредѣленіе момента полученія внѣшняго раздраженія и момента производства произвольнаго движенія, указывающаго на сознательное воспріятіе даннаго раздраженія. Для различныхъ органовъ чувствъ установлены болѣе или менѣе точные способы изслѣдованія. Большей точностію отличаются способы изслѣдованія зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній — несравненно меньшую точность представляютъ способы изслѣдованія осязательныхъ ощущеній. Изслѣдованія прежнихъ ученыхъ

показали, что длительность психофизической реакции для различных органовъ чувствъ не одинакова, мало того длительность этой реакции для одного и того же чувства у различныхъ людей не одинакова и даже у одного и того же человѣка она можетъ колебаться въ зависимости отъ тѣхъ условій, въ которыхъ данный организмъ въ тотъ или другой моментъ жизни стоитъ. Во всякомъ случаѣ эти колебанія въ физиологіи не представляютъ чего либо необыкновеннаго и обнаруживаютъ предѣлы, въ границахъ которыхъ они могутъ быть признаваемы все-таки нормальными. Что сказано о психофизической реакции всѣхъ органовъ чувствъ, тоже должно быть отнесено и къ чувству осязанія. Длительность осязательной реакции, по Wundt'у, равняется 0,213", — для болевой, по Berger'у — 0,151 — 0,121, — для ощущений холода, по Vintschgau, 0,161 и для тепла, — 0,177". Разумѣется при полученіи этихъ данныхъ приходится принимать во вниманіе: интенсивность раздраженія (законъ Wundt'a), привычку изслѣдуемаго, состояніе вниманія, утомленіе, умственное развитіе изслѣдуемаго, возрастъ, личныя свойства человѣка и т. д.

Приступая къ собственнымъ изслѣдованіямъ психофизической реакции осязательныхъ и болевыхъ ощущений, авторъ прежде всего задался вопросомъ: что имѣется уже готоваго и добытаго по этому вопросу и что онъ могъ бы сдѣлать здѣсь лично?

Изученіе литературы вопроса показало, что психофизическая реакція очень обстоятельно изучена по отношенію къ органу зрѣнія и слуха и данныя, полученныя въ этой области, переводились уже и на другіе органы чувствъ, представляющіе большія затрудненія при ихъ изслѣдованіи. Однако были изслѣдованія и въ области кожныхъ чувствъ, каковы: Bloch'a, Vintschgau, Kiess'a, Auerbach'a, Berger'a и Wundt'a. Такимъ образомъ данныя въ области кожныхъ чувствъ относительно психофизической реакции имѣлись, и автору оставалось только примѣнить эти данныя къ изслѣдованію нервныхъ и, по мѣрѣ возможности, душевныхъ больныхъ.

Но прежде чѣмъ даже выполнить эту вторую часть своей задачи, ему необходимо было изучить на дѣлѣ способъ изслѣдованія психофизической реакции у здоровыхъ людей, провѣрить ее у своихъ соотечественниковъ и такъ сказать утвердиться на прочныхъ нормальныхъ условіяхъ, чтобы имѣть право приступить къ опредѣленію отклоненій отъ этой нормы при патологическихъ состояніяхъ нервной системы. Эта часть работы должна была имѣть характеръ провѣрочный частью съ цѣлью обученія, а частью и съ цѣлью опредѣленія психофизической реакции осязанія и болевого чувства у людей русской національности.

Для опредѣленія времени реакціи употреблялся хроноскопъ Нирр'а, примѣнявшійся для этого и другими изслѣдователями. Для приложенія раздраженія кожныхъ чувствъ употреблялись различными авторами различные способы, такъ Diell и Vintschgau употребляли кисточку, — Reumont аппаратъ d'Arsonvall'я и т. п. Принимая во вниманіе законъ Wundt'а, что время психофизической реакціи обратно пропорціонально интенсивности воздѣйствія раздражителя, — съ этимъ моментомъ нельзя было поступать безразлично. Между тѣмъ всѣ способы раздраженія, примѣнявшіеся прежними изслѣдователями, не отличались желаемой точностью. Поэтому автору пришлось подумать объ изысканіи способа изслѣдованія, при которомъ съ полной точностью можно было бы опредѣлять степень раздраженія въ связи съ одновременнымъ изслѣдованіемъ психофизической реакціи. Этотъ аппаратъ долженъ былъ служить какъ для изслѣдованія чувства прикосновенія, такъ и для изслѣдованія болевого ощущенія, для чего мѣнялся только наконечникъ прибора.

Такой приборъ устроенъ авторомъ лично.

Приборъ состоитъ изъ каучуковаго стержня, движущагося сверху внизъ по гладко вышлифованнымъ стѣнкамъ цилиндра. На верхней части стержня площадка, на которую могутъ накладываться гирьки, — нижняя часть стержня предназначена для прикосновенія или укола изслѣдуемой поверхности тѣла. Стержень приспособленъ такъ, что при опусканіи его внизъ онъ удерживается вверху своею площадкой такъ, что въ моментъ прикосновенія внизу съ поверхностью тѣла онъ не давить на послѣднюю своею тяжестью, а только лишь прикасается къ ней, — но, при наложеніи вверху стержня гирекъ, легко можно достигнуть и давленія, при чемъ тяжесть этого давленія будетъ точно обозначаться тяжестью гирекъ. Кромѣ того, этотъ стержень приспособленъ такъ, что въ моментъ его прикосновенія къ поверхности изслѣдуемаго органа замыкается электрическій токъ въ Нирр'овскомъ аппаратѣ и такимъ образомъ обозначается время воздѣйствія вѣшняго раздраженія на поверхность тѣла. Такимъ образомъ этимъ аппаратомъ авторъ достигаетъ точной градуировки напряженности раздражителя, — легко можетъ увеличить и уменьшить силу раздраженія и точно опредѣляетъ степень воспріятія того или другого лица, особенно при патологическихъ состояніяхъ нервной системы, при чемъ давленіе самаго стержня приведено почти къ нулю. Это послѣднее условіе достигается тѣмъ, что стержень виситъ на шелковинкѣ, переброшенной черезъ блокъ, и уравновѣшивается висящей на противоположной сторонѣ блока гирькою, одинаковой тяжести какъ и стержень. Словомъ эта часть аппарата устроена по принципу Атвудовой машины, при чемъ величина тренія

доведена до возможнаго минимума. На нижней части стержня или поршня можно навинчивать особые наконечники для изслѣдованія чувства прикосновенія и давленія, боли, температуры и электрокожной чувствительности. Весь приборъ фиксируется на треножникѣ, уравновѣшиваемомъ на плоскости винтомъ. Этимъ приборомъ авторъ достигъ возможности опредѣлять силу раздражителя (прикосновенія, давленія и боли) почти до абсолютной точности,—во всякомъ случаѣ до сихъ поръ употребленные приспособленія ни подъ какимъ видомъ не могутъ конкурировать и въ половину съ даннымъ приборомъ. Принимая же законъ Wundt'a о значеніи силы раздражителя для длительности психофизической реакціи, мы должны признать, что постановка дѣла изслѣдованія нашего автора заслуживаетъ особаго одобренія, такъ какъ онъ впервые далъ правильную исходную точку для изслѣдованія психофизической реакціи чувства прикосновенія и боли—возможность точно градуировать напряженность раздражителя и для этого по собственной инициативѣ изобрѣлъ очень остроумный и весьма точный приборъ.

Этотъ приборъ легко приспособляется для изслѣдованія какъ верхнихъ и нижнихъ конечностей, такъ и туловища, для чего авторомъ придуманы особые приспособленія.

Этотъ приборъ со всѣми приспособленіями стоитъ не дешево,—приблизительно около 150 р.,—но за то онъ является физиологически точнымъ и смѣло можетъ служить для клиническихъ изслѣдованій.

Итакъ, устроивши собственный приборъ и установивши методъ изслѣдованія, авторъ приступилъ къ изслѣдованію прежде всего здоровыхъ людей, при чемъ изслѣдовалъ чувство прикосновенія и боли, на верхнихъ и нижнихъ конечностяхъ. Расположеніе опыта на верхнихъ и нижнихъ конечностяхъ подробно описано авторомъ въ его работѣ, а также иллюстрировано цѣлымъ рядомъ фотографій какъ прибора, такъ и обстановки изслѣдованія со всѣми приспособленіями для верхнихъ и нижнихъ конечностей.

При изслѣдованіи здоровыхъ людей, авторъ имѣлъ въ виду, кромѣ полученія длительности психофизической реакціи, провѣрить 1, законъ Wundt'a, 2, явленіе вниманія и 3, вліяніе утомленія.

Что касается перваго пункта, то автору, при возможности почти абсолютной градуировки интенсивности раздраженія, удалось вполне подтвердить законъ Wundt'a, что длительность психофизической реакціи обратно пропорціональна напряженности раздраженія, на что у автора приведены цифровыя данныя. Точно также авторъ вполне подтвердилъ и тѣ положенія, что при изслѣдованіи психофизической реакціи, въ данномъ случаѣ, чувства осязанія и болевого, играютъ серьезную роль

вниманіе, степень усталости и напряженности. Авторъ изслѣдовалъ всегда тыльную поверхность 2 и 3 фалангъ той и другой руки и голени обѣихъ ногъ. Разница въ величинѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ почти совершенно отсутствовала.

Третій отдѣлъ работы или вторую часть ея составляютъ изслѣдованія измѣненій психофизической реакціи у нервно и душевно-больныхъ. Авторъ указываетъ на то, что литература по этому вопросу почти отсутствуетъ. Существуетъ заявленіе Seyden'a, что при *tabes dorsalis* проводимость болевыхъ ощущеній замедлена, однако это заявленіе не имѣетъ цифровой подкладки. Наконецъ работа Remond'a даетъ цифровыя данныя о состояніи тактильной чувствительности у эпилептиковъ, слабоумныхъ, при гемиплегіи, спинно-мозговыхъ заболѣваніяхъ и общемъ параличѣ; однако эти данныя грѣшатъ въ основѣ своей неточностью способа изслѣдованія.

Прежде изложенія своихъ изслѣдованій больныхъ людей, авторъ оговаривается, что точностью отличаются только лишь изслѣдованія нервно больныхъ,—изслѣдованія же душевно больныхъ имѣютъ относительное значеніе, такъ какъ одни больные не могли понять сущности и смысла изслѣдованій, а другіе въ аппаратахъ изслѣдованія видѣли для себя орудія пытки.

Клиническій матеріалъ авторъ имѣлъ въ клиникѣ проф. Оболенскаго, въ клиникѣ и поликлиникѣ проф. Ковалевскаго въ Харьковѣ и на приѣмѣ проф. Ковалевскаго въ Пятигорскѣ, при чемъ всѣ послѣднія изслѣдованія производились подъ личнымъ наблюденіемъ профессора.

Авторъ представилъ данныя изслѣдованія слѣдующихъ болѣзней: 11 случаевъ *tabes dorsalis*, 8 случаевъ *paralysis spinalis syphilitica* Erb'a, 1 случай комбинаціи *tabes* и *paralysis spinalis*, 5 случаевъ гемиплегіи, 2 случая мієлита, 1 случай лептоменингита, 1 случай *sclerosis lateralis amyotrophica et paralysis bulbaris*, 1 случай *morbus Basedowi*, 2 случая эпилепсін, 1 случай нейрастеніи, 1 случай *paranoja hypochondriae* и 1 случай *melancholia passiva*.

Собственно говоря въ области душевныхъ болѣзней авторъ имѣлъ несравненно большее число изслѣдованій, но они оказались столь не точными, что авторъ ихъ не рѣшается приводить.

Очень основательныя данныя получились у автора относительно состоянія тактильнаго и болевого ощущеній у табетиковъ. При этомъ замѣчено, что какъ то, такъ и другое чувство очень сильно понижены, при чемъ однако пониженіе тактильнаго чувства гораздо слабѣе, чѣмъ болевого; относительно тактильнаго чувства, или чувства прикосновенія должно замѣтить слѣдующее: въ начальныхъ стадіяхъ *tabes* реакціи

бываетъ очень слабо понижена,—затѣмъ проводимость все уменьшается и уменьшается съ ходомъ болѣзни и въ асте ея можетъ представлять замедленіе въ 6 разъ большее противъ нормы. Наибольшія разстройства проводимости всегда существуютъ въ области нижнихъ конечностей, тогда какъ одновременно съ этимъ верхнія конечности могутъ давать и нормальную психофизическую реакцію. Въ данномъ случаѣ авторъ съ положительностію также доказалъ, что быстрота реакціи у табетиковъ обратно пропорціональна напряженности раздражителя. Кромѣ основныхъ положеній въ этомъ направленіи у автора существуютъ и другія указанія, которыя мы опускаемъ по ихъ меньшему значенію въ смыслѣ поставленной темы.

Психофизическая реакція болевого чувства имѣетъ такія свойства у табетиковъ, какъ и тактильнаго чувства, съ тою разницею, что она отъ начала и до конца бываетъ выражена гораздо сильнѣе и рѣзче. Въ то время какъ уклоненія реакціи тактильнаго чувства въ начальномъ періодѣ *tabes* бываютъ едва замѣтными, для болевого чувства они всѣ рѣзко замѣтны уже въ началѣ,—при чемъ психофизическая реакція болевого чувства стоитъ далеко не въ соотвѣтствіи съ его анестезіей. Нерѣдко приходится наблюдать такіе случаи, когда больной не чувствуетъ прикосновенія аппарата и затѣмъ спустя 1—2" появится только ощущеніе боли. Вообще замедленіе психофизической реакціи нижнихъ конечностей при *tabes* авторъ считаетъ столь характернымъ, что по одному уже этому признаку можно бываетъ поставить діагнозъ *tabes* въ началѣ болѣзни, если же это и слишкомъ смѣло, то во всякомъ случаѣ этотъ симптомъ можетъ играть весьма серьезное значеніе въ данной болѣзни.

Случаевъ системнаго заболѣванія спинного мозга, описанныхъ Erb'омъ подъ именемъ *paralysis spinalis syphilitica* авторъ наблюдалъ 8. Во всѣхъ случаяхъ тактильное чувство или чувство прикосновенія было не нарушено или же нарушенія эти были столь ничтожны и частичны, что ихъ можно было игнорировать; за то психофизическая реакція болевого чувства была нѣсколько понижена, но гораздо слабѣе, чѣмъ при *tabes*. Такимъ образомъ этими изслѣдованіями автора устанавливается отличительный признакъ между *tabes* и *paralysis spinalis*: при первой происходитъ пониженіе тактильной психофизической реакціи и очень сильное пониженіе болевой,—при второмъ—непораженность реакціи прикосновенія и слабое пониженіе болевой.

Въ случаѣ сочетанія *tabes* и *paralysis spinalis* авторъ нашелъ рѣзкое пониженіе психофизической реакціи и прикосновенія и болевого ощущенія.

При *myelitis* наблюдается разбросанное и не типическое измѣненіе реакціи въ смыслѣ пониженія. При *sclerosis lateralis* замѣчалось ничтожное пониженіе только болевой реакціи и то лишь на нижнихъ конечностяхъ. *Sclerosis lateralis amyotrophica* не далъ никакихъ уклоненій въ реакціи какъ тактильнаго, такъ и болевого ощущеній. При *Morbus Basedowii* данныя получались неопредѣленные. При *эпилепсiи*, какъ въ періодѣ свѣтлыхъ промежутковъ, такъ и вслѣдъ за припадкомъ психофизическая реакція, особенно чувства прикосновенія, была укорочена. При *гемиплеiи* въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдается замедленіе проводимости на парализованной сторонѣ. При *melancholia passiva* въ свѣтлыхъ промежуткахъ болѣзни реакція получается почти нормальная, тогда такъ въ состояніи болѣзни значительно пониженная. При *нейрастенiи* реакція была слабо укорочена и, наконецъ, при хондрической параноѣ безъ измѣненій.

Засимъ авторъ приложилъ исторіи болѣзни тѣхъ больныхъ, которыхъ онъ изслѣдовалъ, таблицы изслѣдованій психофизической реакціи здоровыхъ и больныхъ изслѣдованныхъ людей, рисунокъ устроеннаго имъ аппарата и рядъ фотографій какъ аппарата, такъ и расположенія опыта и положенія изслѣдованныхъ частей.

Изложивъ содержаніе работы, я позволю себѣ сдѣлать отзывы о ея недостаткахъ и достоинствахъ.

А. Недостатки работы состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Работа переписана довольно небрежно и не вполне разборчиво.
2. Слогъ изложенія нѣсколько шероховатый и не всегда плавный.
3. Само изложеніе мѣстами представляетъ нестройность и нѣсколько острые отзывы.

4. Авторъ, будучи знакомъ по оригиналамъ съ литературой, приводитъ ее не въ систематическомъ порядкѣ, а урывками и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается того или другого вопроса.

Небрежность внѣшней отдѣлки работы можно объяснить довольно большимъ объемомъ работы и массою матеріала.

В. Къ заслугамъ автора должно отнести:

1. Основательное изученіе ученія о психофизической реакціи не только въ области избранной имъ темы, но и по другимъ отдѣламъ.
2. Основательное изученіе литературы данного вопроса, при чемъ авторъ обнаружилъ знаніе французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ.

3. Разумное и критическое отношеніе къ прежнимъ даннымъ, имѣвшимся по этому вопросу, безъ особеннаго, свойственнаго юношескому возрасту, задора, но и безъ особеннаго преклоненія.

4. Установка точнаго и правильнаго способа изслѣдованія психофизической реакціи чувства прикосновенія и болевого ощущенія, для чего авторъ устроилъ очень остроумный и точный аппаратъ.

5. Подтвержденіе, при условіяхъ точнаго изслѣдованія, данныхъ о психофизической реакціи по отношенію къ интенсивности раздраженія, состоянія вниманія, упражненія и утомленія.

6. Установка точнаго признака для *tabes dorsalis* въ формѣ значительнаго пониженія психофизической реакціи тактильнаго ощущенія и очень рѣзкаго пониженія реакціи болевого чувства.

7. Установка такого же признака для *paralysis spinalis syphilitica* въ формѣ интактности реакціи для тактильнаго чувства и слабаго пониженія реакціи для болевого ощущенія.

8. Установка дифференціальнаго признака для *tabes dorsalis* и *paralysis spinalis syphilitica* въ формѣ вышеуказанныхъ симптомовъ.

9. Указанія на уклоненіе психофизической реакціи при эпилепсіи, гемиплегіи, пассивной меланхоліи, нейрастеніи и проч.

Изъ этихъ достоинствъ работы автора я останавливаю особенное вниманіе на установкѣ точнаго способа изслѣдованія психофизической реакціи для тактильнаго и болевого чувства, для чего авторомъ самостоятельно былъ придуманъ и устроенъ аппаратъ,—и установка новыхъ объективныхъ и точныхъ признаковъ для *tabes dorsalis* и *paralysis spinalis syphilitica*. Эти новыя изслѣдованія представляются не только проявленіемъ юношескаго труда, но вкладомъ въ научную сокровищницу, составляющимъ заслугу, достойную серьезнаго изслѣдованія.

На основаніи всего вышеизложеннаго, я позволяю себѣ просить медицинскій факультетъ автору работы, представленной подъ заглавіемъ „изслѣдованіе психофизической реакціи на тактильные и болевые раздраженія у здоровыхъ и нервно- и душевно-больныхъ людей,—подъ девизомъ“ „Не судите, да не судимы будете“,—присудить *золотую медаль*.

Проф. Ковалевскій.